

ДЖОНАТАН СВИФТ

ПУТЕШЕСТВИЯ
ГУЛЛИВЕРА

ДЖОНАТАН СВИФТ

ПУТЕШЕСТВИЯ

ГУЛЛИВЕРА

ПЕРЕСКАЗ ДЛЯ ДЕТЕЙ
Т. ГАББЕ

Рисунки Ж. Гранвилля

СВЕРДЛОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1953

*Печатается по изданию
Ленинградского газетно-журнального
и книжного издательства 1952 г.*

Редактор *И. Круглик*. Художественный редактор *И. Колмогорцева*.
Переплет художника *В. Воловича*. Технический редактор *Л. Носова*.
Корректоры *Т. Меньщикова* и *Н. Подчивалова*.

Подписано к печати 10/X 1953 г. Уч.-изд. л. 8,17. Бумага $70 \times 92/_{16} = 4,5$ бумаж-
ного—10,53 печатного листа. НС27188. Тираж 75000. Заказ 119.

5-я типография треста Росполиграфпром.
Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

ГУЛЛИВЕР

В СТРАНЕ ЛИЛИПУТОВ

1

Трёхмачтовый бриг «Антилопа» отплывал в Южный океан. На корме стоял корабельный врач Гулливер и смотрел в подзорную трубу на пристань. Там остались его жена и двое детей: сын Джонни и дочь Бетти.

Не в первый раз отправлялся Гулливер в море. Он любил путешествовать. Ещё в школе он тратил почти все деньги, которые присылал ему отец, на морские карты и на книги о чужих странах. Он усердно изучал географию и математику, потому что эти науки больше всего нужны моряку.

Отец отдал Гулливера в ученье к знаменитому в то время лондонскому врачу. Гулливер учился у него несколько лет, но не переставал думать о море.

Врачебное дело пригодились ему: кончив ученье, он поступил корабельным врачом на судно «Ласточка» и плавал на нём три с половиной года. А потом на большом корабле «Добрая Надежда» совершил несколько путешествий в Восточную и Западную Индию.

Во время плавания Гулливер никогда не скучал. У себя в каюте он читал книги, взятые из дому, а на берегу смотрел, как живут чужие племена, изучал их язык и обычаи. На обратном пути он подробно записывал дорожные приключения.

И на этот раз, отправляясь в море, Гулливер захватил с собой толстую записную книжку.

На первой странице этой книжки было написано:

«4 мая 1699 года мы снялись с якоря в Бристоле».

2

Много дней и недель странствовал по морям трёхмачтовый бриг «Антилопа». Дули попутные ветры. Путешествие было удачное.

Но вот однажды, при переходе в Восточную Индию, корабль настигла страшная буря. Ветер и волны погнали его неизвестно куда.

А в трюме уже кончался запас пищи и пресной воды.

Двенадцать матросов умерли от усталости и голода. Остальные едва передвигали ноги. Корабль бросало из стороны в сторону, как ореховую скорлупку.

В одну тёмную, бурную ночь ветер понёс «Антилопу» прямо на острую скалу. Матросы заметили это слишком поздно. Корабль ударился о крутые рёбра скалы и разбился в щепки.

Только Гулливеру и пяти матросам удалось спастись в шлюпке. Они знали, что где-то близко земля, и надеялись добраться до неё.

Долго носились они по волнам, пока не выбились из сил. А волны становились всё больше и больше, и наконец самая высокая волна подбросила и опрокинула шлюпку.

Вода покрыла Гулливера с головой.

Когда он вынырнул, возле него никого не было. Все его спутники утонули.

Гулливер поплыл один, куда глаза глядят, подгоняемый ветром и приливом. То и дело пробовал он нащупать дно, но дна всё не было. А плыть дальше он уже не мог: намокший кафтан и тяжёлые, разбухшие башмаки тянули его вниз. Он захлёбывался и задыхался.

И вдруг ноги его коснулись твёрдой земли.

Это была отмель. Гулливер осторожно шагнул по песчаному дну раз, другой и медленно пошёл вперёд, стараясь не оступиться.

Идти становилось всё легче и легче. Сначала вода доходила ему до плеч, потом до пояса, потом только до колен. Он уже думал, что берег совсем близко, но дно в этом месте было очень отлогое, и Гулливеру ещё долго пришлось брести по колено в воде.

Наконец вода и песок остались позади.

Гулливер вышел на лужайку, покрытую очень мягкой и очень низкой травой. Он опустился на землю, подложил под щеку ладонь и крепко заснул.

3

Когда Гулливер проснулся, было уже совсем светло. Он лежал на спине, и солнце светило прямо ему в лицо.

Он хотел было протереть глаза, но не мог поднять руку; хотел сесть, но не мог пошевелиться.

Тонкие верёвочки опутывали всё его тело от подмышек до колен; руки и ноги были крепко стянуты верёвочной сеткой;

верёвочки обвивали каждый палец. Даже длинные густые волосы Гулливера были туго намотаны на маленькие колышки, вбитые в землю, и переплетены верёвочками.

Гулливьер был похож на рыбу, которую поймали в сеть.

«Верно, я ещё сплю», — подумал он.

Вдруг что-то быстрое, как мышка, пробежало у него по ноге. Вот вскарабкалось на живот, мягко поползло по груди, подбирается к подбородку.

Гулливьер скосил один глаз.

Что за чудо!

У самого его подбородка стоит человечек, настоящий человечек с руками и ногами! На голове у него блестящий шлем, в руках — лук и стрела, за спиной — колчан.

А весь человечек не больше огурца. Пятеро таких, как он, могли бы свободно уместиться на ладони Гулливера.

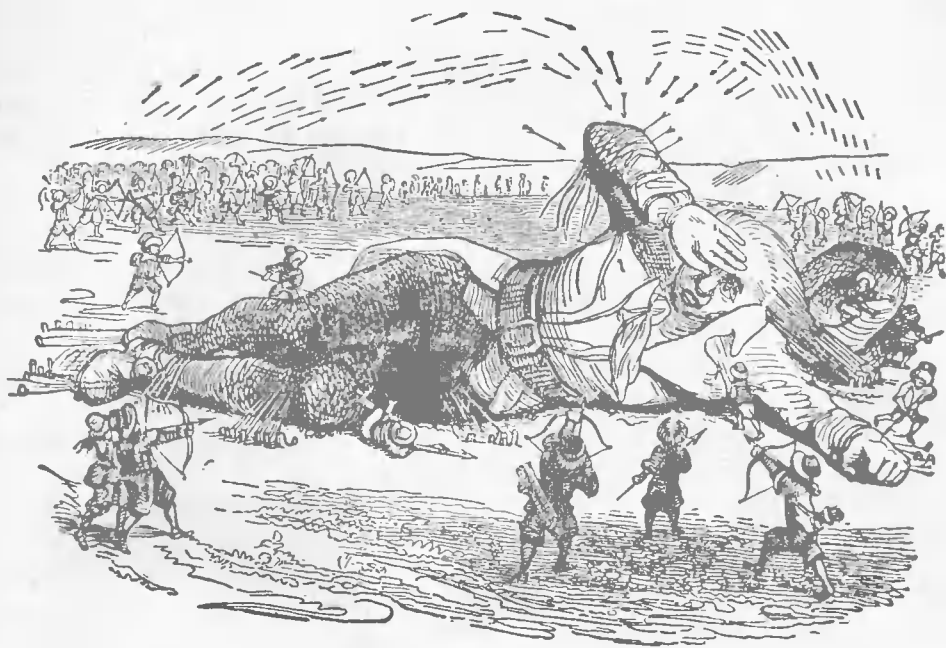
Вслед за первым человечком на Гулливера взобралось ещё десятка четыре таких же маленьких стрелков.

От удивления Гулливьер громко вскрикнул.

Человечки заметались и бросились врассыпную.

На бегу они спотыкались и падали, потом вскакивали и один за другим прыгали на землю.

Минуты две-три никто больше не подходил к Гулливеру. Только под ухом у него всё время раздавался шум, похожий на стрекотанье кузнечиков.

Но скоро человечки опять расхрабрились и снова стали карабкаться по его ногам, а самый смелый из них подкрался к лицу Гулливера, потрогал копьём его подбородок и тоненьким, но отчётливым голоском прокричал:

— Гекина дегуль!

— Гекина дегуль! Гекина дегуль! — подхватили тоненькие голоса со всех сторон.

Но что значили эти слова, Гулливер не понял, хотя и знал много иностранных языков.

Долго лежал Гулливер на спине.

Руки и ноги у него совсем затекли.

Он собрал силы и попытался оторвать от земли хоть одну руку.

Наконец это ему удалось. Он выдернул колышки, вокруг которых были обмотаны сотни тонких, крепких верёвочек, и поднял руку.

В ту же минуту кто-то внизу звонко пропищал:

— Только фонак!

В руку, в лицо, в шею Гулливера разом вонзились сотни стрел. Стрелы у человечков были тоненькие и острые, как иголки.

Гулливер закрыл глаза и решил лежать не двигаясь, пока не наступит ночь.

«В темноте будет легче освободиться», — думал он.

Но дожидаться ночи на лужайке ему не пришлось.

Недалеко от его правого уха послышался частый, drobный стук, будто кто-то рядом вколачивал в доски гвоздики. Молоточки стучали целый час.

Гулливер слегка повернул голову — повернуть её больше не давали верёвочки и колышки — и возле самой своей головы увидел только что построенный деревянный помост. Несколько человечков прилаживали к нему лестницу.

Потом человечки убежали, и по ступенькам медленно поднялся на помост человек в длинном плаще.

За ним шёл другой, чуть ли не вдвое меньше его ростом, и нёс край его плаща. Наверно, это был мальчик-паж. Он был не больше Гулливерова мизинца.

Последними взошли на помост два стрелка с натянутыми луками в руках.

— Лангро дегюль сан! — три раза прокричал человек в плаще и развернул свиток длиной и шириной с берёзовый листок.

Сейчас же к Гулливеру подбежали пятьдесят человечков и обрезали верёвки, привязанные к его волосам.

Гулливер повернул голову и стал слушать, что читает человек в плаще. Человек читал и говорил долго-долго. Гулливер ничего не понял, но на всякий случай кивнул головой и приложил к сердцу свободную руку.

Он догадался, что перед ним какая-то важная особа, по всей видимости, королевский посол.

Прежде всего Гулливер решил попросить у посла, чтобы его накормили. С тех пор как он покинул корабль, у него не было во рту ни крошки. Он поднял палец и несколько раз поднёс его к губам.

Должно быть, человек в плаще понял этот знак. Он сошёл с помоста, и тотчас же к бокам Гулливера приставили несколько длинных лестниц.

Не прошло и четверти часа, как сотни сторбленных носильщиков потащили по этим лестницам корзины с едой.

В корзинах были тысячи хлебов величиной с горошину, целые окорока — с грецкий орех, жареные цыплята — меньше нашей мухи.

Гулливер проглотил разом два окорока вместе с тремя хлебами. Он съел пять жареных быков, восемь вяленых баранов, девятнадцать копчёных поросят и сотни две цыплят и гусей.

Скоро корзины опустели. Тогда человечки подкатили к руке Гулливера две бочки с вином. Бочки были огромные — каждая со стакан.

Гулливер вышиб дно из одной бочки, вышиб из другой и в несколько глотков осушил обе бочки.

Человечки всплеснули руками от удивления.

Потом они знаками попросили его сбросить на землю пустые бочки. Гулливер подбросил обе разом. Бочки перекувырнулись в воздухе и с треском покатались в разные стороны.

Толпа на лужайке расступилась, громко крича:

— Бора мевол! Бора мевол!

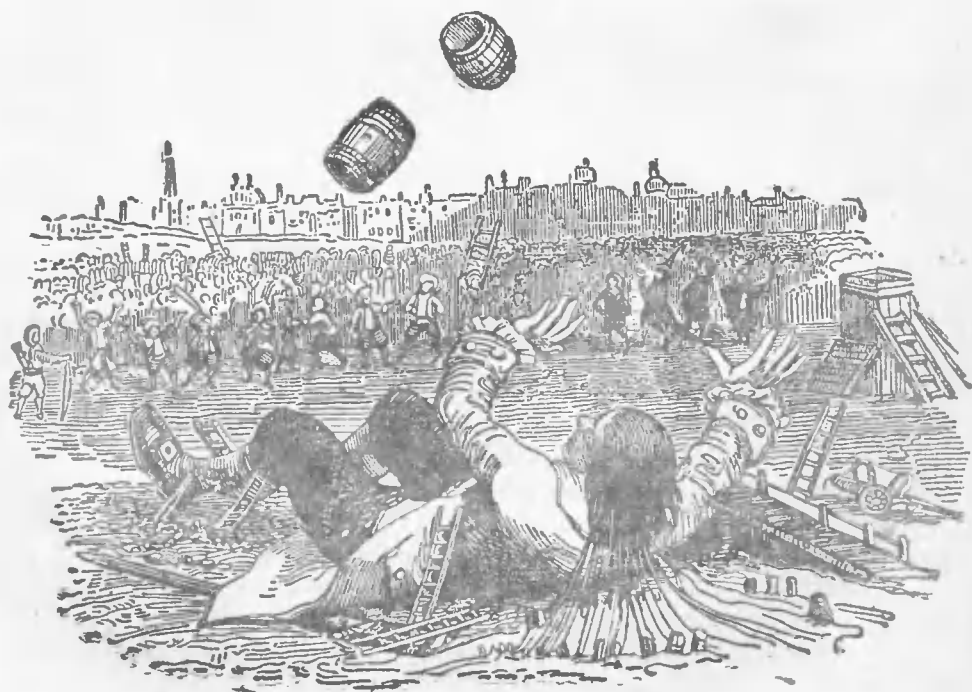
После вина Гулливеру сразу захотелось спать. Сквозь сон он чувствовал, как человечки бегают по нему вдоль и поперёк,

скатываются с него, точно с горы, щекочут его палками и копьями, прыгают с пальца на палец.

Ему очень хотелось сбросить с себя десяток-другой этих маленьких прыгунов, мешавших ему спать, но он пожалел их. Как-никак, а человечки только что гостеприимно накормили его вкусным, сытным обедом, и было бы неблагородно переломать им за это руки и ноги. К тому же, Гулливер не мог не удивляться необыкновенной храбрости этих крошечных людей, бегавших взад и вперёд по груди великана, которому ничего не стоило уничтожить их всех одним щелчком.

Он решил не обращать на них внимания и, одурманенный крепким вином, скоро заснул.

Человечки этого только и ждали. Они нарочно подсыпали в бочки с вином сонного порошка, чтобы усыпить своего огромного гостя.

Страна, в которую буря занесла Гулливера, называлась Лилипутия. Жили в этой стране лилипуты.

Самые высокие деревья в Лилипутии были не выше нашего куста смородины, самые большие дома были ниже стола.

Такого великана, как Гулливер, в Лилипутии никто никогда не видел.

Император приказал привезти его в столицу. Для этого-то Гулливера и усыпили.

Пятьсот плотников построили по приказу императора огромную телегу на двадцати двух колёсах.

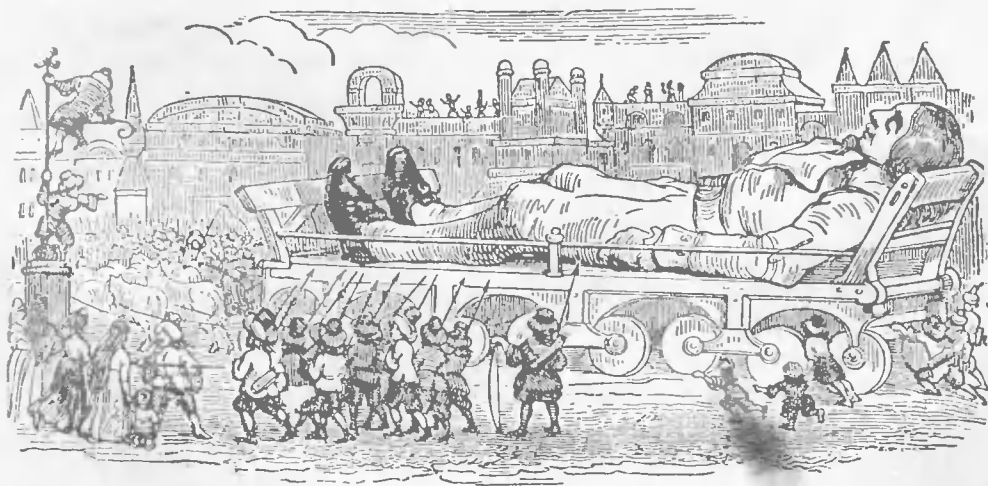
Телега была готова в несколько часов, но взвалить на неё Гулливера было не так-то просто.

Вот что придумали для этого лилипутские инженеры.

Они поставили телегу рядом со спящим великаном, у самого его бока. Потом вбили в землю восемьдесят столбиков с блоками наверху и надели на эти блоки толстые канаты с крючками на одном конце. Канаты были не толще обыкновенной бечёвки.

После этого лилипуты принялись за дело.

Они обхватили всё туловище, обе ноги и обе руки Гулливера крепкими повязками и, зацепив эти повязки крючками, принялись тянуть канаты через блоки.

Девятьсот отборных силачей были собраны для этой работы со всех концов Лилипутии.

Они упирались в землю ногами и, обливаясь потом, изо всех сил тянули канаты обеими руками.

Через час им удалось поднять Гулливера с земли на полпальца, через два часа — на палец, через три — они взвалили его на телегу.

Полторы тысячи самых крупных лошадей из придворных конюшен, каждая ростом с новорождённого котёнка, были запряжены в телегу по десятку в ряд. Кучера взмахнули бичами, и телега медленно покатила по дороге в главный город Лилипутии — Мильдендо.

Гулливер всё ещё спал. Он бы, наверно, не проснулся до конца пути, если бы его случайно не разбудил один офицер из императорской гвардии.

Это случилось так.

У телеги отскочило колесо. Чтобы починить её, пришлось остановиться. И вот несколько молодых офицеров решили воспользоваться этой остановкой и посмотреть, какое лицо у Гулливера, когда он спит.

Они подъехали к телеге верхом, и один из них, приподнявшись в седле, засунул Гулливеру в левую ноздрю остриё своей пики.

Гулливёр сморщил нос и громко чихнул.

— Апчхи! — повторило эхо.

Офицеры пришпорили лошадей и во весь опор поскакали прочь от телеги.

А Гулливер проснулся, услышал, как щёлкают кнутами погонщики, и понял, что его куда-то везут.

Целый день взмыленные лошади тащили связанного Гулливера по дорогам Лилипутии.

Только поздно ночью телега остановилась и лошадей отпрягли, чтобы накормить и напоить.

Всю ночь по обе стороны телеги стояла на страже тысяча гвардейцев: пятьсот — с факелами, пятьсот — с луками наготове.

Стрелкам приказано было выпустить в Гулливера пятьсот стрел, если только он вздумает пошевелиться.

Когда наступило утро, телега двинулась дальше.

5

Недалеко от городских ворот на площади стоял старинный заброшенный замок с двумя угловыми башнями. В замке давно никто не жил.

К этому пустому замку лилипуты привезли Гулливера.

Это было самое большое здание во всей Лилипутии. Башни его были почти в человеческий рост. Даже такой великан, как Гулливер, мог свободно проползти на четвереньках в его двери, а в парадной зале ему, пожалуй, удалось бы вытянуться во весь рост.

Здесь собирался поселить Гулливера император Лилипутии.

Но Гулливер этого ещё не знал. Он лежал на своей телеге, а со всех сторон к нему бежали толпы лилипутов.

Конная стража отгоняла любопытных, но всё-таки добрых десять тысяч человечков успело прогуляться по ногам Гулливера, по его животу и коленям, пока он лежал связанный.

Вдруг что-то стукнуло его по ноге. Он посмотрел себе на ногу и увидел нескольких лилипутов с засученными рукавами и в чёрных передниках. Крошечные молоточки блестели у них в руках.

Это придворные кузнецы заковывали Гулливера в цепи.

От стены замка к его ноге они протянули девяносто одну цепочку такой толщины, как делают у нас для часов, и замкнули их у него на щиколотке тридцатью шестью висячими замками. Цепочки были такие длинные, что Гулливер мог гулять по площадке перед замком и свободно вползать в свой дом.

Кузнецы кончили работу и отошли. Стража перерубила верёвки, и Гулливер встал на ноги.

— А-ах! — закричали лилипуты. — Куинбус Флестрин! Куинбус Флестрин!

По-лилипутски это значит: «Человек-Гора! Человек-Гора!»

Гулливвер осторожно переступил с ноги на ногу, чтобы не раздавить кого-нибудь из местных жителей, и, повернувшись направо и налево, осмотрелся кругом.

Никогда ещё ему не приходилось видеть такую красивую страну. Сады и луга были здесь похожи на пёстрые цветочные клумбы. Реки бежали ручейками, а город вдали казался игрушечным.

Гулливвер так загляделся, что не заметил, как вокруг него собралось чуть ли не всё население столицы. Лилипуты копошились у его ног, щупали пряжки башмаков и так задирали головы, что шляпы их валялись на землю.

Мальчишки спорили, кто из них добросит камень до самого носа Гулливера.

А учёные толковали между собой, откуда взялся Куинбус Флестрин.

— В наших старых книгах написано, — сказал один учёный, — что тысячу лет тому назад море выбросило к нам на берег страшное чудовище. Я думаю, что и Куинбус Флестрин вынырнул со дна моря.

— Нет, — отвечал другой учёный, — у морского чудовища должны быть жабры и хвост. Куинбус Флестрин свалился с луны.

Лилипутские мудрецы не знали, что на свете есть другие страны, и думали, что везде живут одни лилипуты.

Учёные долго ходили вокруг Гулливера и качали головами, но так и не успели решить, откуда взялся Куинбус Флестрин.

Всадники на вороных конях с копьями наперевес разогнали толпу.

— Пеплам селян! Пеплам селян! — кричали всадники.

Гулливвер увидел золотую коробочку на колёсах. Коробочку везла шестёрка белых лошадей. Рядом, тоже на белой лошади, скакал человек в золотом шлеме с пером.

Человечек в шлеме подскакал прямо к башмаку Гулливера и осадил своего коня. Конь захрапел и взвился на дыбы.

Сейчас же несколько офицеров подбежали с двух сторон

к всаднику, схватили его лошадь под уздцы и осторожно отвели подальше от Гулливеровой ноги.

Всадник на белой лошади был император Лилипутии. А в золотой карете сидела императрица.

Четыре пажа разостлали на лужайке бархатный лоскут, поставили на нем кресло величиной со спичечный коробок и распахнули дверцы кареты.

Императрица вышла и уселась в кресло, расправив платье.

Вокруг неё сели на золотые скамеечки её придворные дамы.

Они были так пышно одеты, что вся лужайка стала похожа на разостланную юбку, вышитую золотом, серебром и разноцветными шелками.

Император прыгнул с коня и несколько раз обошёл вокруг Гулливера. За ним шла его свита.

Чтобы лучше рассмотреть императора, Гулливер лёг на бок.

Его величество был по крайней мере на целый ноготь выше своих придворных. Он был ростом в два пальца и, наверно, считался в Лилипутии очень высоким человеком.

В руке император держал обнажённую шпагу чуть-чуть подлиннее спички. На её золотой рукоятке и ножнах блестели бриллианты.

Его императорское величество закинул голову назад и о чём-то спросил Гулливера.

Гулливвер не понял его вопроса, но на всякий случай рассказал императору, кто он такой и откуда прибыл.

Император только пожал плечами.

Тогда Гулливвер рассказал то же самое по-голландски, по-латыни, по-гречески, по-французски, по-испански, по-итальянски и по-турецки.

Но император Лилипутии, как видно, не знал этих языков.

Он кивнул Гулливверу головой, вскочил на коня и помчался обратно в Мильдендо. Вслед за ним уехала императрица со своими дамами.

А Гулливвер остался сидеть перед замком, как цепная собака перед будкой.

6

К вечеру вокруг Гулливвера столпилось по крайней мере триста тысяч лилипутов — все городские жители и все крестьяне из соседних деревень.

Каждому хотелось посмотреть, что такое Куинбус Флестрин — Человек-Гора.

Гулливвера охраняла стража, вооруженная копьями, луками и мечами.

Страже было приказано никого не пускать к Гулливверу и смотреть за тем, чтобы он не сорвался с цепи и не убежал.

Две тысячи солдат выстроились перед замком, и всё-таки кучка горожан прорвалась сквозь строй.

Одни осматривали каблуки Гулливера, другие швыряли в него камешками или целились из луков в его жилетные пуговицы.

Меткая стрела поцарапала Гулливеру шею, вторая стрела чуть не попала ему в левый глаз.

Начальник стражи приказал поймать озорников, связать их и выдать Куинбусу Флестрину.

Это было страшнее всякого другого наказания.

Солдаты связали шестерых лининутов и, подталкивая тупыми концами пик, пригнали к ногам Гулливера.

Гулливер нагнулся, сгрёб всех одной рукой и сунул в карман своего камзола.

Только одного человечка он оставил у себя в руке, осторожно взял двумя пальцами и стал рассматривать.

Человечек ухватился за палец Гулливера обеими руками и пронзительно закричал.

Гулливеру стало жаль человечка. Он ласково улыбнулся ему и достал из жилетного кармана перочинный ножик, чтобы разрезать верёвки, которыми были связаны руки и ноги лилипута.

Лилипут увидел блестящие зубы Гулливера, увидел огромный нож и закричал ещё громче. Толпа внизу совсем притихла от ужаса.

А Гулливер тихонько перерезал одну веревку, перерезал другую и поставил человечка на землю.

Потом он по очереди отпустил и тех лилипутов, которые метались у него в кармане.

— Глюм глефф Куинбус Флестрин! — закричала вся толпа.

По-лилипутски это значит: «Да здравствует Человек-Гора!»

А начальник стражи послал во дворец двух своих офицеров, чтобы доложить обо всём, что случилось, самому императору.

7

Между тем во дворце Бельфаборак, в самой дальней зале, император собрал тайный совет, чтобы решить, что делать с Гулливером.

Министры и советники спорили между собой девять часов.

Одни говорили, что Гулливера надо поскорее убить. Если Человек-Гора порвёт свою цепь и убежит, он может растоптать всю Лилипутию. А если он не убежит, то империи грозит страшный голод, потому что каждый день он будет съедать больше хлеба и мяса, чем нужно для прокормления тысячи семисот двадцати восьми лилипутов. Это высчитал один учёный, которого пригласили в тайный совет, потому что он очень хорошо умел считать.

Другие доказывали, что убить Куинбуса Флестрина так же опасно, как и оставить в живых. От разложения такого громадного трупа может начаться чума не только в столице, но и во всей империи.

Государственный секретарь Рельдрессель попросил у императора слова и сказал, что Гулливера не следует убивать, по крайней мере до тех пор, пока не будет построена новая крепостная стена вокруг Мильдендо. Гулливер съедает хлеба и мяса больше,

чем тысяча семьсот двадцать восемь лилипутов, но зато он, верно, и работать будет за две тысячи лилипутов. Кроме того, в случае войны Человек-Гора может защитить страну лучше, чем пять крепостей.

Император сидел на своём троне под балдахином и слушал, что говорят министры.

Когда Рельдрессель кончил, он кивнул головой. Все поняли, что слова государственного секретаря ему понравились.

Но в это время встал со своего места адмирал Скайреш Болголам, командир всего флота Лилипутии.

— Человек-Гора, — сказал он, — самый сильный из всех людей на свете, это правда. Но именно поэтому его и следует казнить как можно скорее. Ведь если во время войны он вздумает присоединиться к врагам Лилипутии, то десять полков императорской гвардии не смогут с ним справиться. Сейчас он ещё в руках лилипутов, и надо действовать, пока не поздно.

Казначей Флимнап, генерал Лимток и судья Бельмаф согласились с мнением адмирала.

Император улыбнулся и кивнул адмиралу головой — и даже не один раз, как Рельдресселю, а два раза. Видно было, что эта речь понравилась ему ещё больше.

Судьба Гулливера была решена.

Но в это время дверь открылась, и в залу тайного совета вбежали два офицера, которых прислал к императору начальник стражи. Они стали перед императором на колени и доложили о том, что случилось на площади.

Когда офицеры рассказали, как милостиво обошёлся Гулливер со своими пленниками, государственный секретарь Рельдрессель опять попросил слова.

Он произнёс ещё одну длинную речь, в которой доказывал, что бояться Гулливера не следует и что живой он будет гораздо полезнее императору, чем мёртвый.

Император решил помиловать Гулливера, но приказал отнять у него огромный нож, о котором только что рассказали офицеры стражи, а заодно и всякое другое оружие, если оно будет найдено при обыске.

8

Обыскать Гулливера было поручено двум чиновникам.

Знаками они объяснили Гулливеру, чего требует от него император.

Гулливер не стал с ними спорить. Он взял обоих чиновников в руки и опустил сначала в один карман кафтана, потом в другой, а потом перенёс их в карманы штанов и жилета.

Только в один потайной карман Гулливер чиновников не пустил. Там были у него спрятаны очки, подзорная труба и компас.

Чиновники принесли с собой фонарь, бумагу, перья и чернила. Целых три часа возились они в карманах Гулливера, рассматривали вещи и составляли опись.

Окончив свою работу, они попросили Гулливера вынуть их из последнего кармана и спустить на землю.

После этого они поклонились Гулливеру и понесли составленную ими опись во дворец.

Вот она — слово в слово:

«Опись предметов, найденных в карманах Человека-Горы:

1. В правом кармане кафтана мы нашли большой кусок грубого холста, который по своей величине мог бы служить ковром для парадной залы дворца Бельфаборак.

2. В левом кармане обнаружен огромный серебряный сундук с крышкой. Эта крышка так тяжела, что даже вдвоем мы не могли поднять её. Когда по нашему требованию Куинбус Флестрин приподнял крышку своего сундука, мы увидели, что сундук доверху набит крупными жёлтыми стружками. Едкий запах этих стружек заставил нас обоих долго чихать.

3. В правом кармане штанов находится огромный нож — в два раза больше самого высокого лилипута.

4. В левом кармане штанов найдена невиданная в наших краях машина из железа и дерева. Она так велика и тяжела, что,

несмотря на все наши усилия, нам не удалось сдвинуть её с места. Это помешало нам осмотреть машину со всех сторон.

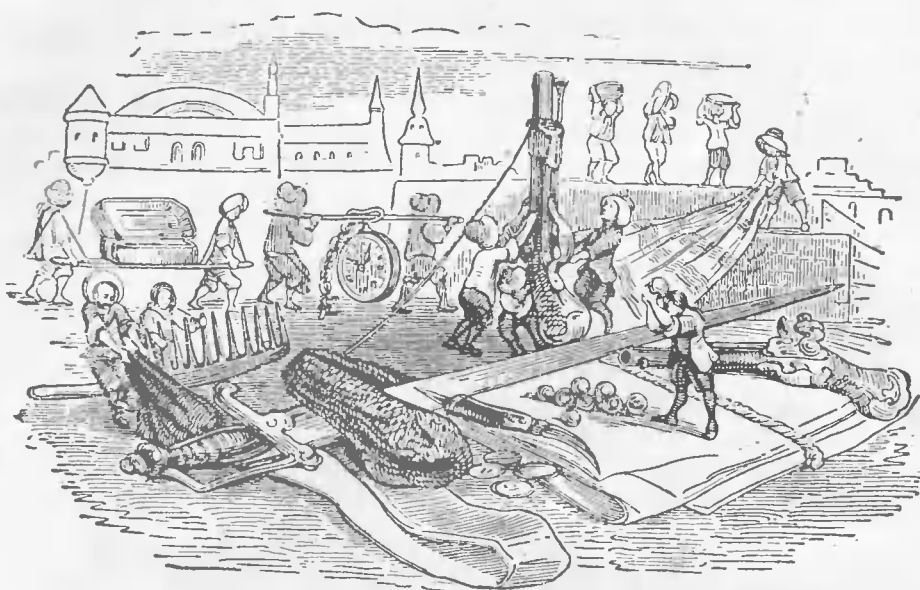
5. В правом верхнем кармане жилета оказалась целая кипа прямоугольных, совершенно одинаковых листов, сделанных из какого-то неизвестного нам белого и гладкого материала. Вся эта кипа — вышиною в половину человеческого роста и толщиной в три обхвата — прошита толстыми верёвками. Мы внимательно осмотрели несколько верхних листов и заметили на них ряды чёрных таинственных знаков. Мы полагаем, что это буквы неизвестной нам азбуки. Каждая буква величиной с нашу ладонь.

6. В левом верхнем кармане жилета мы нашли сеть размером не менее рыболовной, но устроенную так, что она может закрываться и открываться наподобие кошелька. В ней лежит несколько тяжёлых предметов из красного, белого и жёлтого металла. Они разной величины, но одинаковой формы — круглые и плоские. Красные — вероятно, из меди. Они так тяжелы, что мы вдвоём едва могли поднять их. Белые — очевидно, серебряные — поменьше. Они похожи на щиты наших воинов. Жёлтые — должно быть, золотые. Они немногим больше наших тарелок, но очень увесисты. Если только это настоящее золото, то они должны стоить очень дорого.

7. Из правого нижнего кармана жилета свешивается толстая металлическая цепь, повидимому, серебряная. Эта цепь прикреплена к большому круглому предмету, находящемуся в кармане и сделанному из того же металла. Что это за предмет, неизвестно. Одна его стенка прозрачна, как лед, и сквозь неё отчетливо видны двенадцать чёрных знаков, расположенных по кругу, и две длинные стрелы.

Внутри этого круглого предмета, очевидно, сидит какое-то таинственное существо, которое не переставая стучит не то зубами, не то хвостом. Человек-Гора объяснил нам — частью словами, а частью движениями рук, — что без этого круглого металлического ящика он бы не знал, когда ему вставать утром и когда ложиться вечером, когда начинать работу и когда её кончать.

8. В левом нижнем кармане жилета мы видели вещь, похожую на решётку дворцового сада. Острыми прутьями этой решётки Человек-Гора расчесывает волосы.

Закончив обследование карманов, мы осмотрели пояс Человека-Горы. Он сделан из кожи какого-то громадного животного. С левой стороны на нём висит меч длиною в пять раз больше среднего человеческого роста, а с правой — мешок, разделённый на два отделения. В каждом из них можно легко поместить троих взрослых лилипутов.

В одном из отделений мы нашли множество тяжёлых и гладких металлических шаров величиной с человеческую голову; другое до краёв полно какими-то чёрными зёрнами, довольно лёгкими и не слишком крупными. Мы могли поместить у себя на ладони несколько десятков этих зёрен.

Такова точная опись вещей, найденных при обыске у Человека-Горы.

Во время обыска вышеназванный Человек-Гора вёл себя вежливо и спокойно».

Под описью чиновники поставили печать и подписались:

Клсфрин Фрелок. Марси Фрелок.

На другое утро перед домом Гулливера выстроились войска, собрались придворные. Приехал и сам император со свитой и министрами.

В этот день Гулливер должен был отдать императору Лилипутии своё оружие.

Один чиновник громко читал опись, а другой бегал по Гулливеру из кармана в карман и показывал ему, какие вещи нужно доставать.

— Кусок грубого холста! — прокричал чиновник, читавший опись.

Гулливер положил на землю свой носовой платок.

— Серебряный сундук!

Гулливер вынул из кармана табакерку.

— Кипа гладких белых листов, прошитых верёвками!

Гулливер положил рядом с табакеркой свою записную книжку.

— Длинный предмет, похожий на садовую решётку!

Гулливер достал гребешок.

— Кожаный пояс, меч, двойной мешок с металлическими шарами в одном отделении и чёрными зёрнами — в другом!

Гулливер отстегнул пояс и опустил его на землю вместе со своим кортиком и мешочком, в котором лежали пули и порох.

— Машина из железа и дерева! Рыболовная сеть с круглыми предметами из меди, серебра и золота! Огромный нож! Круглый металлический ящик!

Гулливер вытащил пистолет, кошелёк с монетами, перочинный нож и часы.

Император прежде всего осмотрел нож и кортик, а потом приказал Гулливеру показать, как стреляют из пистолета.

Пистолет был заряжен, Гулливер поднял его и выстрелил в воздух.

Раздался оглушительный грохот. Множество людей упало в обморок, а император побледнел, закрыл лицо руками и долго не решался открыть глаза.

Когда дым рассеялся и всё успокоилось, повелитель Лилипутии приказал увести в арсенал нож, кортик и пистолет.

Остальные вещи Гулливеру отдали обратно.

Целых полгода прожил Гулливер в плену.

Шестеро самых знаменитых учёных каждый день приходили в замок учить его лилипутскому языку.

Через три недели он стал хорошо понимать, что говорят вокруг, а месяца через два и сам научился разговаривать с жителями Лилипутии.

На первых же уроках Гулливер затвердил одну фразу, которая нужна была ему больше всего: «Ваше величество, я умоляю вас отпустить меня на свободу».

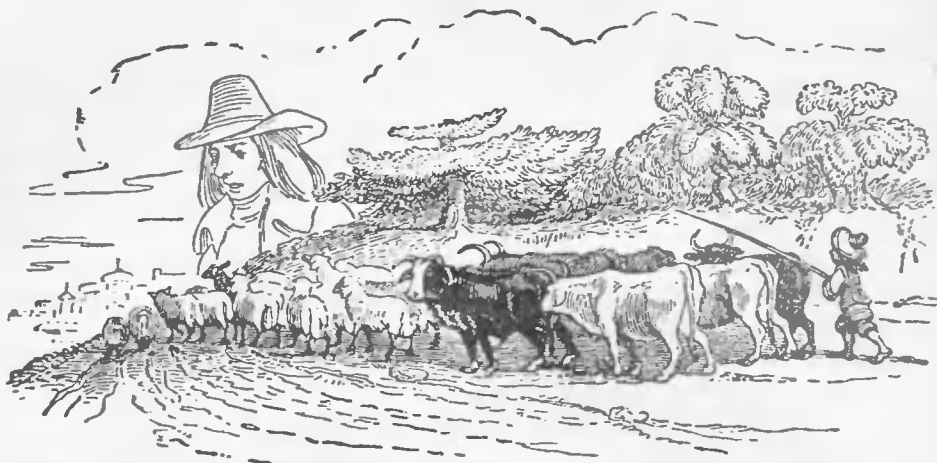
Каждый день повторял он эти слова императору, но император отвечал всегда одно и то же:

— Люмоз кельмин пессо десмар лон эмпозо!

Это значит: «Я не могу освободить тебя, пока ты не поклянёшься мне жить в мире со мной и со всей моей империей».

Гулливер готов был в любую минуту дать клятву, которую от него требовали. Он вовсе и не собирался воевать с маленькими

человечками. Но император откладывал церемонию торжественной клятвы со дня на день.

Мало-помалу лилипуты привыкли к Гулливеру и перестали его бояться.

Часто по вечерам он ложился на землю перед своим замком и позволял пятерым или шестерым человечкам плясать у себя на ладони. Дети из Мильдендо приходили играть в прятки у него в волосах. И даже лилипутские лошади больше не храпели и не становились на дыбы, когда видели Гулливера.

Император нарочно приказал как можно чаще устраивать конные ученья перед старым замком, чтобы приучить коней своей гвардии к живой горе.

По утрам всех лошадей из полковых и собственных императорских конюшен проводили мимо ног Гулливера.

Кавалеристы заставляли своих коней перескакивать через его руку, опущенную на землю, а один удалой наездник перескочил даже как-то раз через его ногу, закованную в цепь.

Гулливер всё ещё сидел на цепи. От скуки он решил приняться за работу и сам смастерил для себя стол, стулья и кровать.

Для этого ему привезли около тысячи самых больших деревьев из императорских лесов.

А постель для Гулливера изготовили лучшие местные мастера. Они принесли в замок шестьсот матрацев обыкновенной, лилипутской величины. По сто пятьдесят штук сшили они вместе и сделали четыре больших матраца в рост Гулливера. Их положили один на другой, но всё-таки Гулливеру было жёстко спать.

Таким же способом сделали для него одеяло и простыни.

Одеяло вышло тонкое и не очень тёплое. Но Гулливер был моряк и не боялся простуды.

Обед, ужин и завтрак для Гулливера стряпали триста поваров. Для этого им построили возле замка целую кухонную улицу — по правой стороне шли кухни, а по левую жили повара со своими семьями.

За столом обычно прислуживало не больше ста двадцати лилипутов.

Двадцать человек Гулливер брал в руку и ставил прямо к себе на стол. Остальные сто работали внизу. Одни подвозили кушанья в тачках или подносили на носилках, другие подкатывали к ножке стола бочки с вином.

Со стола вниз были протянуты прочные верёвки, и человечки, которые стояли на столе, с помощью особых блоков втягивали кушанья наверх.

Каждый день на рассвете к старому замку пригоняли целое стадо скота — шесть быков, сорок баранов и много всякой мелкой живности.

Жареных быков и баранов Гулливеру приходилось обычно разрезать на две или даже на три части. Индеек и гусей он отправлял в рот целиком, не разрезая, а мелкую птицу — куропаток, бекасов, рябчиков — по десять, а иной раз и по пятнадцать штук зараз.

Когда Гулливер ел, толпы лилипутов стояли вокруг и смотрели на него. Один раз даже сам император в сопровождении императрицы, принцев, принцесс и всей свиты приехал поглядеть на такое диковинное зрелище.

Гулливер поставил кресла знатных гостей на стол против своего прибора и выпил за здоровье императора, императрицы и всех принцев и принцесс по очереди. Он ел в этот день даже больше обычного, чтобы удивить и позабавить своих гостей, но обед показался ему не таким вкусным, как всегда. Он заметил, каки-

ми испуганными и злыми глазами смотрел в его сторону государственный казначей Флимнап.

И в самом деле, на другой день казначей Флимнап сделал доклад императору. Он сказал:

— Горы, ваше величество, тем и хороши, что они не живые, а мёртвые и поэтому их не надо кормить. Если же какая-нибудь гора оживёт и потребует, чтобы её кормили, благоразумнее сделать её опять мёртвой, чем подавать ей каждый день завтрак, обед и ужин.

Император благосклонно выслушал Флимнапа, но не согласился с ним.

— Не торопитесь, дорогой Флимнап, — сказал он. — Всё в своё время.

Гулливвер ничего не знал об этом разговоре. Он сидел возле замка, беседовал со знакомыми лилипутами и с грустью рассматривал большую дыру на рукаве своего кафтана.

Уже много месяцев он, не меняя, носил одну и ту же рубашку, один и тот же кафтан и жилет и с тревогой думал о том, что скоро они превратятся в лохмотья. Он попросил выдать ему какой-нибудь материи потолще на заплатки, но вместо этого к нему явились триста портных. Портные велели Гулливеру опуститься на колени и приставили к его спине длинную лестницу.

По этой лестнице старший портной добрался до его шеи и спустил оттуда, от затылка до полу, верёвку с грузом на конце. Такой длины нужно было сшить кафган.

Рукава и талию Гулливер смерил сам.

Через две недели новый костюм для Гулливера был готов. Он удался на славу, но был похож на лоскутное одеяло, потому что его пришлось сшить из нескольких тысяч кусков материи.

Рубашку для Гулливера изготовили двести белошвеек. Для этого они взяли самое прочное и грубое полотно, какое только могли достать, но даже его им пришлось сложить в несколько раз, а потом простегать, потому что самый толстый парусный холст Лилипутии не толще нашей кисеи. Куски этого лилипутского полотна бывают обыкновенно длиной в страницу из школьной тетрадки, а шириной — в полстраницы.

Белошвейки сняли с Гулливера мерку, когда он лежал в постели. Одна из них стала ему на шею, другая на колено. Они взяли за концы длинную верёвку и туго натянули её, а третья швея маленькой линейкой измерила длину этой верёвки. Гулливер разостлал на полу свою старую рубаху и показал её белошвейкам. Они несколько дней осматривали рукава, воротник и складки на груди, а потом в одну неделю очень аккуратно сшили рубашку точно такого же фасона.

Гулливер был очень рад. Он мог наконец с ног до головы одеться во всё чистое и целое.

Теперь ему нехватало только шляпы. Но тут его выручил счастливый случай.

Однажды к императорскому двору прибыл гонец с известием, что недалеко от того места, где был найден Человек-Гора, пастухи заметили какое-то огромное чёрное тело с круглым горбом посредине и с широкими плоскими краями.

Сначала местные жители подумали, что это какое-то морское животное. Но так как горбун лежал совершенно неподвижно,

ничего не ел и не дышал, то они догадались, что это какая-то вещь, принадлежащая Человеку-Горе. Если его императорское величество прикажет, эту вещь можно доставить в Мильдендо всего на пяти лошадях. Император согласился, и через несколько дней пастухи привезли Гулливеру его старую чёрную шляпу, потерянную на отмели.

В дороге она порядком попортилась, потому что возчики пробили в её полях две дыры и волокли её всю дорогу на длинных верёвках. Но всё-таки это была шляпа, и Гулливер надел её на голову.

11

Желая угодить императору и поскорей получить свободу, Гулливер выдумал необыкновенную забаву. Он попросил привезти ему из леса несколько деревьев потолще и побольше.

На другой день семь возчиков на семи телегах доставили ему брёвна. Каждую телегу тянуло восемь лошадей, хотя брёвна были толщиной с обыкновенную тросточку.

Гулливер выбрал девять одинаковых тросточек и вбил их в землю, расположив правильным четырёхугольником.

На эти тросточки он туго-натуго, как на барабан, натянул свой носовой платок.

Получилась ровная, гладкая площадка.

Вокруг неё Гулливер поставил перильца и предложил императору устроить на этой площадке военное состязание.

Императору очень понравилась эта затея.

Он приказал, чтобы двадцать четыре лучших кавалериста в полном вооружении отправились к старому замку, и сам поехал смотреть на их состязания.

Гулливер по очереди поднимал всех кавалеристов вместе с лошадьми и поставил их на площадку.

Трубы затрубили. Всадники разделились на два отряда и начали военные действия. Они осыпали друг друга тупыми стрелами, кололи своих противников тупыми копьями, отступали и нападали.

Император остался так доволен военной потехой, что стал устраивать её каждый день.

Один раз он даже сам командовал атакой на носовом платке Гулливера.

Гулливер держал в это время на ладони кресло, в котором сидела императрица. Отсюда ей было лучше видно, что делается на платке.

Всё шло хорошо. Только раз, во время пятнадцатых манёвров, горячая лошадь одного офицера пробила копытом платок, споткнулась и опрокинула своего седока.

Гулливер прикрыл левой рукой дыру в платке, а правой осторожно спустил на землю всех кавалеристов одного за другим.

После этого он аккуратно заштопал платок, но, не надеясь на его прочность, не решался больше устраивать на нём военные игры.

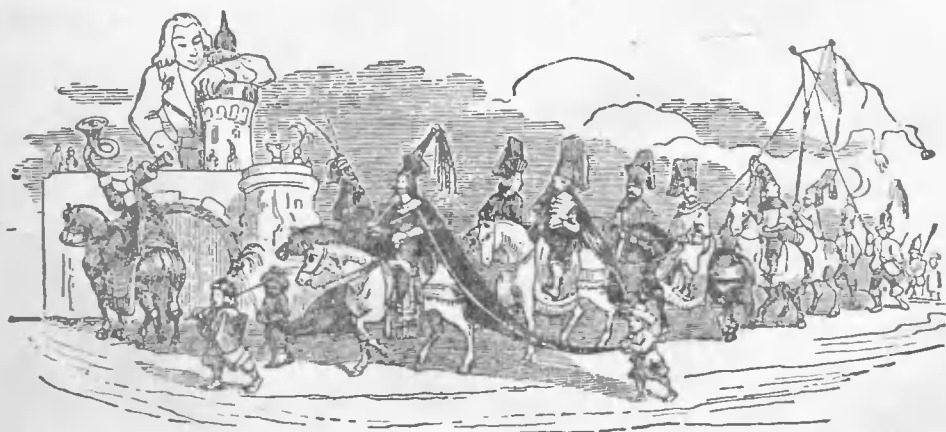
12

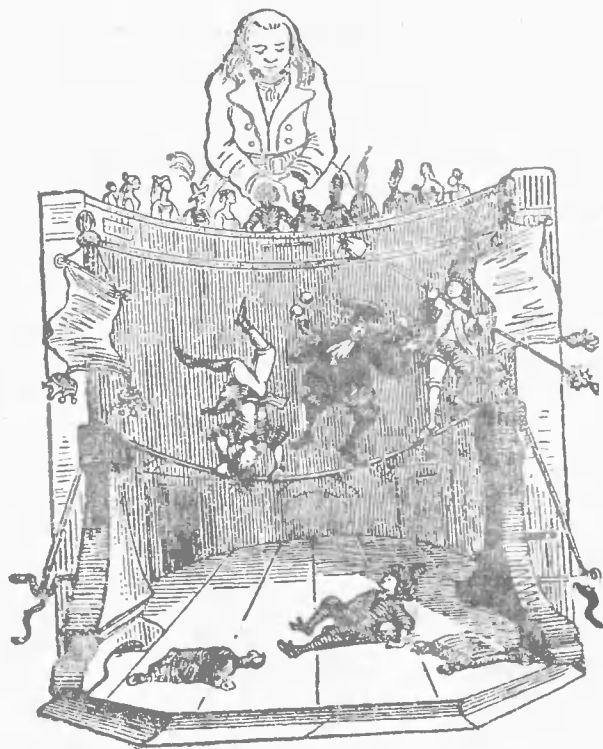
Император не остался в долгу у Гулливера. Он, в свою очередь, решил позабавить Куинбуса Флестрина интересным зрелищем.

Однажды под вечер Гулливер по обыкновению сидел на пороге своего замка.

Вдруг ворота Мильдендо отворились, и оттуда выехал целый поезд: впереди на коне император, за ним — министры, придворные и гвардейцы.

Все они направились по дороге, которая вела к замку.

В Лилипутии существует такой обычай: когда какой-нибудь министр умирает или получает отставку, пять или шесть лилипутов обращаются к императору с просьбой о том, чтобы он разрешил им повеселить его пляской на канате.

Во дворце, в главной зале, натягивают как можно туже и выше канат не толще обыкновенной нити для шитья.

После этого начинаются пляски и прыжки.

Тот, кто подпрыгнет на канате выше всех и ни разу не упадёт, занимает освободившееся министерское место.

Иногда император заставляет всех своих министров и придворных плясать на канате вместе с новичками, чтобы проверить ловкость людей, которые правят страной.

Говорят, что во время этих развлечений часто бывают несчастные случаи. Министры и новички падают с каната кувырком и ломают себе шею.

Но на этот раз император решил устроить канатные пляски не во дворце, а под открытым небом, перед замком Гулливера. Ему хотелось удивить Человека-Гору искусством своих министров.

Самым лучшим прыгуном оказался государственный казначей Флимнап. Он подпрыгнул выше всех остальных придворных по крайней мере на полголовы.

Даже государственный секретарь Рельдрессель, знаменитый в Лилипутии своим умением кувыряться и прыгать, не мог его перещеголять.

Потом императору подали длинную палку.

Он взял её за один конец и стал быстро поднимать и опускать.

Министры приготовились к состязанию, которое было потруднее пляски на канате. Надо было успеть перепрыгнуть через палку, как только она опустится, и пролезть под ней на четвереньках, как только она поднимется.

Лучшие прыгуны и пролазы получили от императора в награду синюю, красную или зелёную нитку для ношения вокруг пояса.

Первый пролаза — Флимнап — получил синюю нитку, второй — Рельдрессель — красную, а третий — Скайреш Болголам — зелёную.

Гулливвер смотрел на всё это и удивлялся странным придворным обычаям Лилипутской империи.

13

Придворные игры и праздники устраивались чуть ли не каждый день, а всё-таки Гулливверу было очень скучно сидеть на цепи. Он то и дело подавал прошения императору о том, чтобы его освободили и позволили ему свободно разгуливать по стране.

Наконец император решил уступить его просьбам.

Напрасно адмирал Скайреш Болголам, злейший враг Гулливвера, настаивал на том, что Куинбуса Флестрина следует не освободить, а казнить.

Так как Лилипутия в это время готовилась к войне, никто не согласился с Болголамом. Все надеялись, что Человек-Гора защитит Мильдендо, если на город нападут враги.

В тайном совете прочитали все прошения Гулливвера и решили отпустить его на свободу, если он даст клятву соблюдать все правила, которые будут ему объявлены. Правила эти были записаны самыми крупными буквами на длинном свитке пергамента.

Наверху был императорский герб, а внизу большая государственная печать Лилипутии.

Вот что было написано между гербом и печатью:

«Мы, Гольбасто Момарен Эвлем Гердайло Шефин Молли Олли Гой,
могущественный император великой Лилипутии, отрада и ужас вселенной,

самый мудрый, самый сильный и самый высокий из всех царей мира,

чьи ноги упираются в сердце земли, а глава достигает солнца,
чей взгляд приводит в трепет всех земных царей, прекрасный, как весна, благодостный, как лето, щедрый, как осень, и грозный, как зима,

высочайше повелеваем освободить Человека-Гору от цепей, если он даст нам клятву исполнять всё, что мы от него потребуем, — а именно:

во-первых, Человек-Гора не имеет права выезжать за пределы Лилипутии, пока не получит от нас разрешения с нашей собственноручной подписью и большой печатью;

во-вторых, он не должен входить в нашу столицу, не предупредив о том городские власти, а предупредив, должен два часа ждать у главных ворот, дабы все жители успели спрятаться в дома;

в-третьих, ему разрешается гулять только по большим дорогам и запрещается топтать леса, луга и поля;

в-четвёртых, во время прогулок он обязан внимательно смотреть себе под ноги, чтобы не раздавить кого-нибудь из наших любезных подданных, а также их лошадей с каретами и телегами, их коров, овец и собак;

в-пятых, ему строго запрещается брать в руки и сажать себе в карманы жителей нашей великой Лилипутии без их на то согласия и разрешения;

в-шестых, если нашему императорскому величеству потребуется послать куда-либо спешную весть или приказ, Человек-Гора обязуется доставить нашего гонца вместе с его лошастью и пакетом до указанного места и принести назад в целости и сохранности;

в-седьмых, он обещает быть нашим союзником в случае войны с враждебным нам островом Блефуску и употребить все усилия на то, чтобы уничтожить неприятельский флот, который угрожает нашим берегам;

в-восьмых, Человек-Гора обязан в свободные часы оказывать помощь нашим подданным на всех строительных и прочих работах: поднимать самые тяжёлые камни при сооружении стены главного парка, рыть глубокие колодцы и рвы, выкорчёвывать леса и протаптывать дороги;

в-девятых, мы поручаем Человеку-Горе измерить шагами всю нашу империю вдоль и поперёк и, сосчитав число шагов, доложить об этом нам или нашему государственному секретарю. Поручение наше должно быть исполнено в течение двух лун.

Если Человек-Гора клянётся свято и неуклонно исполнять всё, чего мы требуем от него, мы обещаем даровать ему свободу, одевать и кормить его за счёт государственной казны, а также предоставить ему право лицезреть нашу высокую особу в дни празднеств и торжеств.

Дано в городе Мильдендо, во дворце Бельфаборак, в двенадцатый день девяносто первой луны нашего славного царствования.

Гольбасто Момарен Эвлем Гердайло Шефин

Молли Олли Гой,

император Лилипутии.*

Этот свиток привёз в замок Гулливера сам адмирал Скайреш Болголам.

Он велел Гулливеру сесть на землю и взяться левой рукой за правую ногу, а два пальца правой руки приставить ко лбу и к верхушке правого уха.

Так в Лилипутии клянутся в верности императору.

Адмирал громко и медленно прочёл Гулливеру все девять требований по порядку, а потом заставил повторить слово в слово такую клятву:

«Я, Человек-Гора, клянусь его величеству императору Гольбасто Момарен Эвлем Гердайло Шефин Молли Олли Гой, могущественному повелителю Лилипутии, свято и неуклонно исполнять всё, что будет угодно его лилипутскому величеству, и, не жалея жизни, защищать от врагов его славную империю на суше и на море».

После этого кузнецы сняли с Гулливера цепи. Скайреш Болголам поздравил его и уехал в Мильдендо.

14

Как только Гулливер получил свободу, он попросил у императора позволения осмотреть город и побывать во дворце. Много месяцев смотрел он на столицу издали, сидя на цепи у своего порога, хотя город и был всего в пятидесяти шагах от старого замка.

Разрешение было дано.

За два часа до прихода Гулливера двенадцать глашатаев обошли весь город. Шестеро трубили в трубы, а шестеро кричали:

— Жители Мильдендо! По домам!

— Куинбус Флестрин, Человек-Гора, идёт в город!

— По домам, жители Мильдендо!

На всех домах расклеили воззвания, в которых было написано то же самое, что кричали глашатаи.

Кто не слышал, тот прочёл. Кто не прочёл, тот услышал.

Гулливер снял с себя кафтан, чтобы не повредить полами трубы и карнизы домов и не смести нечаянно на землю кого-нибудь из любопытных горожан. А это легко могло случиться, потому что сотни и даже тысячи лилипутов взобрались на крыши ради такого удивительного зрелища.

В одном кожаном жилете подошёл Гулливер к городским воротам.

Всю столицу Мильдендо окружали старинные стены. Стены были такие толстые и широкие, что по ним свободно могла проехать лилипутская карета, запряжённая парой лошадей.

По углам возвышались остроконечные башни.
Гулливвер перешагнул через большие Западные ворота и очень осторожно, боком, прошёлся по главным улицам.
В переулки и маленькие улочки он и не пытался заходить: они были такие узенькие, что Гулливвер опасался застрять между домами.

Почти все дома в Мильдендо были в три этажа.
Проходя по улицам, Гулливвер то и дело наклонялся и заглядывал в окна верхних этажей.

В одном окне он увидел повара в белом колпачке. Повар ловко ощипывал не то жучка, не то муху.

Приглядевшись, Гулливвер понял, что это была индейка.

Возле другого окна сидела портниха и держала на коленях работу. По движениям её рук Гулливвер догадался, что она вдевает нитку в игольное ушко. Но иголку и нитку разглядеть нельзя было, такие они были тоненькие.

В школе дети сидели на скамейках и писали. Они писали не так, как мы — слева направо, не так, как арабы — справа налево, не так, как китайцы — сверху вниз, а по-лилипутски: вкось, от одного угла к другому.

Шагнув ещё раз три, Гулливер очутился около императорского дворца.

Дворец, окружённый двойной стеной, находился в самой середине Мильдендо.

Через первую стену Гулливер перешагнул, а через вторую не мог: эта стена была украшена высокими резными башенками, и Гулливер побоялся их разрушить.

Он остановился между двумя стенами и стал думать, как ему быть. Во дворце его ждёт сам император, а он не может туда пробраться.

Что же делать?

Гулливер вернулся к себе в замок, захватил две табуретки и опять пошёл ко дворцу.

Подойдя к наружной стене дворца, он поставил одну табуретку посреди улицы и стал на неё обеими ногами.

Вторую табуретку он поднял над крышами и осторожно опустил за внутреннюю стену, прямо в дворцовый парк.

После этого он легко перешагнул через обе стены — с табуретки на табуретку, не сломав ни одной башенки.

Переставляя табуретки всё дальше и дальше, Гулливер добрался по ним до собственных покоев его величества.

Император держал в это время со своими министрами военный совет. Увидев Гулливера, он приказал открыть окно пошире.

Войти в залу совета Гулливер, конечно, не мог.

Он улёгся во дворе и приставил ухо к окошку.

Министры рассуждали, когда выгодней начать войну с враждебной империей Блефуску.

Адмирал Скайреш Болголам поднялся со своего кресла и доложил, что неприятельский флот стоит на рейде и, очевидно, ждёт только попутного ветра, чтобы напасть на Лилипутию.

Тут Гулливер не утерпел и перебил Болголама. Он спросил у императора и министров, из-за чего, собственно, собираются воевать два столь великих и славных государства.

С разрешения императора, государственный секретарь Рельдрессель ответил на вопрос Гулливера.

Дело обстояло так.

Сто лет тому назад дед нынешнего императора, в те времена ещё наследный принц, за завтраком разбил яйцо с тупого конца и скорлупой порезал себе палец.

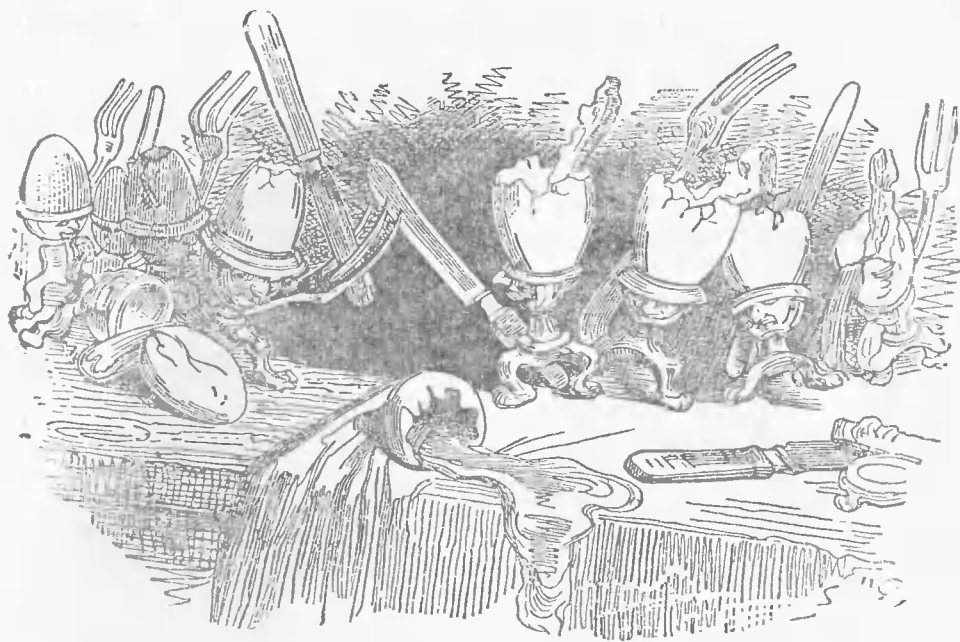
Тогда император, отец раненого принца и прадедушка нынешнего императора, издал указ, в котором запретил жителям Лилипутии под страхом смертной казни разбивать варёные яйца с тупого конца.

С того времени всё население Лилипутии разделилось на два лагеря — тупоконечников и остроконечников.

Тупоконечники не захотели подчиниться указу императора и бежали за море, в соседнюю империю Блефуску.

Лилипутский император потребовал, чтобы блефускуанский император казнил беглых тупоконечников.

Однако император Блефуску не только не казнил их, но даже взял к себе на службу.

С тех пор между Лилипутией и Блефуску идёт непрерывная война.

— И вот наш могущественный император Гольбасто Момарен Эвлем Гердайло Шефин Молли Олли Гой просит у вас, Человек-Гора, помощи и союза, — так закончил свою речь секретарь Рельдрессель.

Гулливверу было непонятно, как это можно воевать из-за выведенного яйца, но он только что дал клятву и готов был её исполнить.

15

Блефуску — это остров, отделённый от Лилипутии довольно широким проливом.

Гулливвер ещё не видел острова Блефуску. После военного совета он отправился на берег, спрятался за бугорком и, вынув из потайного кармана подзорную трубу, стал рассматривать неприятельский флот.

Оказалось, что у блефускуанцев ровно пятьдесят военных кораблей, остальные суда — транспортные.

Гулливвер отполз от бугорка подальше, чтобы из Блефуску его не заметили, стал на ноги и отправился во дворец к императору.

Там он попросил, чтобы ему вернули из арсенала нож и доставили побольше самых прочных верёвок и самых толстых железных палок.

Через час возчики привезли канат толщиной с нашу бечёвку и железные палки, похожие на вязальные спицы.

Гулливвер всю ночь просидел перед своим замком — гнул из железных спиц крючки и сплетал по дюжине верёвок вместе. К утру у него было готово пятьдесят прочных канатов с пятьюдесятью крючками на концах.

Перекинув верёвки через плечо, Гулливвер пошёл на берег. Он снял кафтан, башмаки, чулки и шагнул в воду. Сначала он шел вброд, потом, на середине пролива, поплыл, потом опять пошёл вброд.

Меньше чем через полчаса Гулливвер добрался до блефускуанского флота.

— Пловучий остров! Пловучий остров! — закричали матросы, увидев в воде огромные плечи и голову Гулливера.

Он протянул к ним руки и матросы, не помня себя от страха, стали бросаться с бортов в море. Как лягушки, шлёпались они в воду и плыли к своему берегу.

Гулливвер снял с плеча связку канатов, зацепил все носы боевых кораблей крючками, а концы канатов связал в один узел.

Тут только блефускуанцы поняли, что Гулливвер собирается увести их флот.

Тридцать тысяч солдат разом натянули тетивы своих луков и пустили в Гулливера тридцать тысяч стрел.

Больше двухсот угодило ему в лицо.

Плохо пришлось бы Гулливеру, если бы у него в потайном кармане не оказалось очков. Он быстро надел их и спас от стрел глаза.

Стрелы стукались о стёкла очков. Они вонзались ему в щёки, в лоб, в подбородок, но Гулливеру было не до того. Он изо всех

сил дёргал верёвки, упираясь в дно ногами, а блефускуанские корабли не трогались с места.

Наконец Гулливер понял в чём дело. Он достал из кармана нож и по очереди перерезал якорные канаты, державшие на причале корабли.

Когда последний канат был перерезан, корабли закачались на воде и все, как один, двинулись за Гулливером к берегам Лилипутии.

Всё дальше уходил Гулливер, и вслед за ним уплывали блефускуанские корабли и блефускуанская слава.

16

Император Лилипутии и весь его двор стояли на берегу и смотрели в ту сторону, куда уплыл Гулливер.

Вдруг они увидели вдалеке корабли, которые двигались к Лилипутии широким полумесяцем. Самого Гулливера они не могли разглядеть, потому что он до самых ушей погрузился в воду.

Лилипуты не ожидали прихода неприятельского флота. Они были уверены, что Человек-Гора уничтожит его прежде чем корабли снимутся с якорей. А между тем флот в полном боевом порядке направлялся к стенам Мильдендо.

Император приказал трубить сбор всех войск.

Гулливер издали слышал звук трубы. Тогда он поднял повыше концы верёвок, которые держал в руке, и громко закричал:

— Да здравствует могущественнейший император Лилипутии!

На берегу стало тихо — так тихо, словно все лилипуты онемели от удивления и радости.

Гулливер слышал только журчанье воды да лёгкий шум попутного ветра в парусах блефускуанских кораблей.

И вдруг тысячи шляп, колпачков и шапок разом взлетели над набережной Мильдендо.

— Да здравствует Куинбус Флестрин! Да здравствует наш славный избавитель! — закричали лилипуты.

Как только Гулливер вышел на сушу, император приказал наградить его всеми тремя нитями — синей, красной и зелёной — и пожаловал ему титул «нардака» — самый высокий во всей империи.

Это была неслыханная награда. Придворные бросились поздравлять Гулливера.

Только адмирал Скайреш Болголам, у которого была всего одна нитка — зелёная, отошёл в сторону и не сказал Гулливеру ни слова.

Гулливер поклонился императору и надел все цветные нитки на средний палец: подпоясаться ими, как лилипутские министры, он не мог.

В этот день во дворце был устроен в честь Гулливера пышный праздник. Все танцевали в залах, а Гулливер лежал во дворе и смотрел в окно.

17

После праздника император вышел к Гулливеру и объявил ему новую высочайшую милость. Он поручает Человеку-Горе, нардаку Лилипутской империи, отправиться тем же путём в Блефуску и увести оттуда все оставшиеся у неприятеля корабли — транспортные, торговые и рыболовные.

— Государство Блефуску, — сказал он, — жило до сих пор рыболовством и торговлей. Если отнять у него флот, оно должно будет навсегда покориться Лилипутии, выдать императору всех тупоконечников и признать священный закон, который гласит: «Разбивай яйца с острого конца».

Гулливер осторожно ответил императору, что он всегда рад служить его лилипутскому величеству, но должен отказаться от милостивого поручения. Он сам недавно испытал, как тяжелы цепи неволи, и поэтому не может решиться обратиться в рабство целый народ.

Император ничего не сказал и ушёл во дворец.

А Гулливер понял, что с этой минуты он навсегда теряет его милость: государь, который мечтает завоевать мир, не прощает тех, кто осмеливается стать ему поперёк дороги.

И в самом деле, после этого разговора Гулливера стали реже приглашать ко двору. Он бродил один вокруг своего замка, и придворные кареты не останавливались больше у его порога.

Только однажды пышная процессия вышла из ворот столицы и направилась к жилищу Гулливера. Это было блефускуанское посольство, которое прибыло к императору Лилипутии для заключения мира.

Вот уже несколько дней, как это посольство, состоявшее из шести посланников и пятисот человек свиты, находилось в Мильдендо. Они спорили с лилипутскими министрами о том, сколько золота, скота и хлеба должен отдать император Блефуску за возвращение хотя бы половины флота, уведённого Гулливером.

Мир между двумя государствами был заключён на условиях, очень выгодных для Лилипутии и очень невыгодных для государства Блефуску. Впрочем, блефускуанцам пришлось бы ещё хуже, если бы за них не заступился Гулливер.

Это заступничество окончательно лишило его благоволения императора и всего лилипутского двора.

Кто-то рассказал одному из посланников, почему разгневался император на Человека-Гору. Тогда послы решили навестить Гулливера в его замке и пригласить к себе на остров.

Им было интересно увидеть вблизи Куинбуса Флестрина, про которого они столько слышали от блефускуанских моряков и лилипутских министров.

Гулливер любезно принял чужеземных гостей, обещал побывать у них на родине, а на прощанье подержал всех послов вместе с их лошадьми у себя на ладонях и показал им город Мильдендо с высоты своего роста.

18

Вечером, когда Гулливер уже собирался ложиться спать, в дверь его замка тихонько постучали.

Гулливер перешагнул через порог и увидел перед своей дверью двух людей, которые держали на плечах крытые носилки.

На носилках в бархатном кресле сидел человек. Лица его не было видно, потому что он закутался в плащ и надвинул на лоб шляпу.

Увидев Гулливера, человек отослал своих слуг в город и приказал им вернуться в полночь.

Когда слуги удалились, ночной гость сказал Гулливеру, что хочет открыть ему очень важную тайну.

Гулливер поднял носилки с земли, спрятал их вместе с гостем в карман своего камзола и вернулся к себе в замок.

Там он плотно закрыл двери и поставил носилки на стол.

Тогда только гость распахнул свой плащ и снял шляпу. Гулливер узнал в нём одного из придворных, которого он недавно выручил из беды.

Ещё в то время, когда Гулливер бывал при дворе, он случайно узнал, что этого придворного считают тайным тупоконечником. Гулливер заступился за него и доказал императору, что его оклеветали враги.

И вот теперь придворный явился к Гулливеру, чтобы, в свою очередь, оказать Куинбусу Флестрину дружескую услугу.

— Только что, — сказал он, — в тайном совете была решена ваша участь. Адмирал доложил императору, что вы принимали у себя послов враждебной страны и показывали им с ладони нашу столицу. Все министры требовали вашей казни. Одни предлагали поджечь ваш дом, окружив его двадцатитысячной армией;

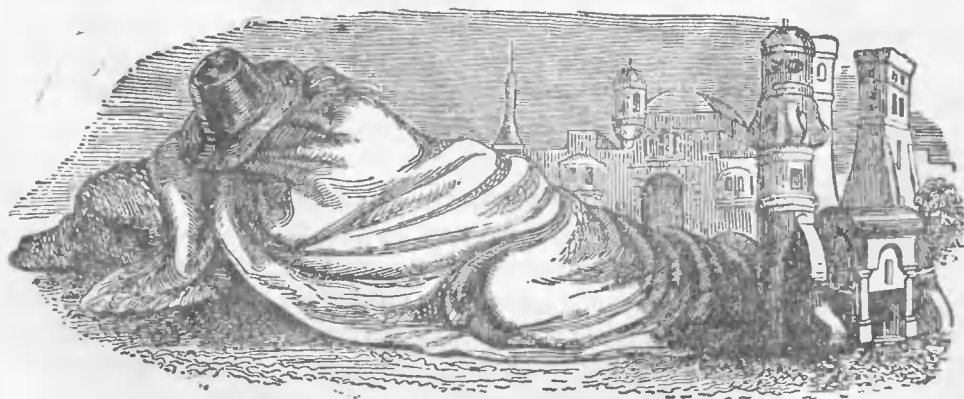
другие — отравить вас, пропитав ядом ваше платье и рубашку; третьи — уморить голодом. И только государственный секретарь Рельдрессель советовал оставить вас в живых, но выколоть вам глаза. Он говорил, что потеря глаз не лишит вас силы и даже прибавит вам храбрости, так как человек, который не видит опасности, ничего на свете не боится. В конце концов наш милостивый император согласился с Рельдресселем и приказал завтра же ослепить вас остро отточенными стрелами. Если можете, спасайтесь, а я должен немедленно удалиться от вас так же тайно, как и прибыл сюда.

Гулливер тихонько вынес своего гостя за дверь, где его уже поджидали слуги, а сам недолго думая, стал готовиться к побегу.

19

С одеялом подмышкой Гулливер вышел на берег. Осторожными шагами пробрался он в гавань, где стоял на якоре лилипутский флот. В гавани не было ни души. Гулливер выбрал самый большой из всех кораблей, привязал к его носу верёвку, уложил в него свой кафтан, одеяло и башмаки, а потом поднял якорь и потянул корабль за собой в море. Тихо, стараясь не плеснуть, дошёл он до середины пролива, а дальше поплыл.

Плыл он в ту самую сторону, откуда привёл недавно военные корабли.

Вот, наконец, и блефускуанские берега!

Гулливвер ввёл в бухту свой корабль и осторожно вышел на берег. Вокруг было тихо, маленькие башни блестели при луне. Весь город ещё спал, и Гулливвер не захотел будить жителей. Он лёг у городской стены, завернулся в одеяло и заснул.

Утром Гулливвер постучал в городские ворота и попросил начальника стражи известить императора о том, что в его владения прибыл Человек-Гора.

Начальник стражи доложил об этом государственному секретарю, а тот — императору. Император Блефуску со всем своим двором сейчас же выехал навстречу Гулливеру.

У ворот все мужчины соскочили с коней, а императрица и её дамы вышли из кареты.

Гулливвер лёг на землю, чтобы приветствовать блефускуанский двор. Он попросил позволения осмотреть остров, но ничего не сказал о своём бегстве из Лилипутии. Император и его министры решили, что Человек-Гора просто приехал к ним в гости, потому что его пригласили послы.

В честь Гулливера был устроен во дворце большой праздник. Для него зарезали много жирных быков и баранов, а когда снова наступила ночь, его оставили под открытым небом, потому что в Блефуску не нашлось для него подходящего помещения.

Он опять улёгся у городской стены, закутавшись в лилипутское лоскутное одеяло.

20

В три дня Гулливвер обошёл всю империю Блефуску, осмотрел города, деревни и усадьбы. Повсюду за ним, так же как и в Лилипутии, бегали целые толпы народа.

Разговаривать с жителями Блефуску ему было легко, так как блефускуанцы знают лилипутский язык не хуже, чем лилипуты знают блефускуанский.

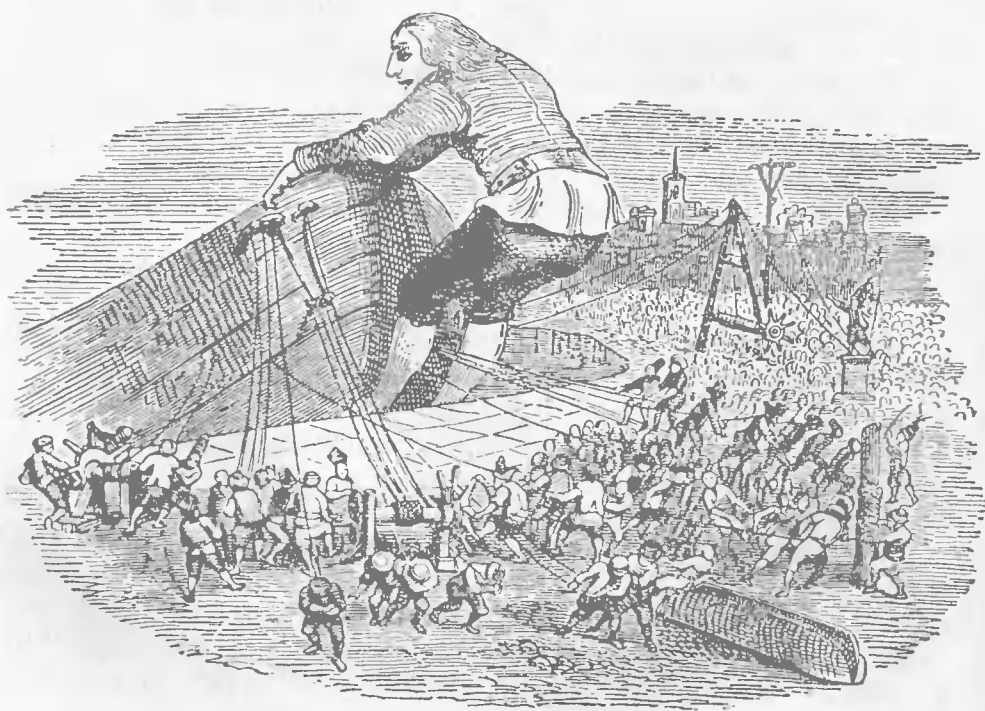
Разгуливая по низким лесам, мягким лугам и узким дорожкам, Гулливвер вышел на противоположный берег острова. Там он сел на камень и стал думать о том, что ему теперь делать: остаться ли на службе у императора Блефуску, или попросить у императора Лилипутии помилования. Вернуться к себе на родину он уже не надеялся.

И вдруг далеко в море он заметил что-то тёмное, похожее не то на скалу, не то на спину большого морского чудовища.

Гулливвер снял башмаки и чулки и пошёл вброд посмотреть, что это такое. Скоро он понял, что это не скала. Скала не могла бы подвигаться к берегу вместе с приливом. Это и не животное. Вернее всего, это опрокинутая лодка. Сердце у Гулливвера забилося. Он сразу вспомнил, что у него в кармане подозрительная труба, и приставил её к глазам. Да, это была лодка! Вероятно, буря оторвала её от какого-то корабля и занесла к этим берегам.

Гулливвер бегом побежал в Блефуску и попросил императора дать ему сейчас же двадцать самых больших кораблей, чтобы пригнать лодку к берегу.

Императору было интересно посмотреть на необыкновенную лодку, которую нашёл в море Человек-Гора. Он послал за ней корабли и приказал двум тысячам своих солдат помочь Гулливверу вытащить её на сушу.

Маленькие корабли подошли к большой лодке, зацепили её крючками и потянули за собой. А Гулливер плыл сзади и подталкивал лодку рукой. Наконец она уткнулась носом в берег. Тут две тысячи солдат дружно ухватились за привязанные к ней верёвки и помогли Гулливеру вытянуть её из воды.

Гулливер осмотрел лодку со всех сторон. Починить её было не так уж трудно. Он сразу же принялся за работу. Раньше всего он аккуратно проконопатил дно и борта лодки, потом вырезал из самых больших деревьев вёсла и мачту. Во время работы тысячные толпы блефускуанцев стояли вокруг и смотрели, как Человек-Гора чинит лодку-гору.

Когда всё было готово, Гулливер пошёл к императору, стал перед ним на одно колено и сказал, что хотел бы поскорее пуститься в путь, если его величество разрешит ему покинуть остров. Он давно соскучился по своей семье и друзьям и надеется встретить в море корабль, который отвезёт его на родину.

Император попробовал было уговорить Гулливера остаться у него на службе, обещал ему многочисленные награды и неизменную милость, но Гулливер стоял на своём. Император должен был согласиться.

Конечно, ему очень хотелось оставить у себя на службе Человека-Гору, который один мог уничтожить неприятельскую армию или флот. Но если бы Гулливер остался жить в Блефуску, это непременно вызвало бы жестокую войну с Лилипутией.

Уже несколько дней тому назад император Блефуску получил от императора Лилипутии длинное письмо с требованием отправить назад в Мильдендо беглого Куинбуса Флестрина, связав его по рукам и по ногам.

Блефускуанские министры долго думали о том, как ответить на это письмо.

Наконец, после трёхдневного размышления, они написали ответ.

В их письме было сказано, что император Блефуску приветствует своего друга и брата императора Лилипутии Гольбасто Момарен Эвлем Гердайло Шефин Молли Олли Гой, но вернуть ему Куинбуса Флестрина не может, так как Человек-Гора только что отплыл на огромном корабле неизвестно куда. Император

Блефуску поздравляет своего возлюбленного брата и себя с избавлением от лишних забот и тяжёлых расходов.

Отослав это письмо, блефускуанцы стали торопливо собирать Гулливера в дорогу.

Они зарезали триста коров, чтобы смазать его лодку жиром. Пятьсот человек под надзором Гулливера сделали два больших паруса. Чтобы паруса вышли достаточно прочные, они взяли самое толстое тамошнее полотно и простегали, сложив в тринадцать раз. Снасти, якорный и причальный канаты Гулливер приготовил сам, скрутив по десять, двадцать и даже тридцать крепких верёвок лучшего сорта. Вместо якоря он приспособил большой камень.

Всё было готово к отплытию.

Гулливер в последний раз пошёл в город, чтобы попрощаться с императором Блефуску и его подданными.

Император со своей свитой вышел из дворца. Он пожелал Гулливеру счастливого пути и подарил ему свой портрет во весь рост и кошелёк с двумястами червонцев — у блефускуанцев они называются «спругами».

Кошелёк был очень тонкой работы, а монеты можно было ясно разглядеть с помощью увеличительного стекла.

Гулливер от души поблагодарил императора, завязал оба подарка в угол своего носового платка и, помахав шляпой всем жителям блефускуанской столицы, зашагал к берегу.

Там он погрузил в лодку сотню воловьих и триста бараньих туш, вяленых и копчёных, двести мешков сухарей и столько жареного мяса, сколько успели приготовить за три дня четыреста поваров.

Кроме того, он захватил с собой шесть живых коров и столько же овец с баранами.

Ему очень хотелось развести таких тонкошёрстных овец у себя на родине.

Чтобы кормить в дороге своё стадо, Гулливер положил в лодку большую охапку сена и мешок зерна.

Двадцать четвёртого сентября 1701 года, в шесть часов утра, корабельный врач Лемюэль Гулливер, прозванный в Лилипутии Человеком-Горой, поднял парус и покинул остров Блефуску.

Свежий ветер ударил в парус и погнал лодку в открытое море.

Когда Гулливер обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на низкие берега блефускуанского острова, он ничего не увидел, кроме воды и неба.

Берег исчез, как будто его никогда и не было.

К ночи Гулливер подошёл к маленькому скалистому островку, на котором жили одни улитки.

Это были самые обыкновенные улитки, каких Гулливер тысячу раз видел у себя на родине. Лилипутские и блефускуанские гуси были немногим меньше этих улиток.

Здесь, на островке, Гулливер поужинал, переночевал и утром двинулся дальше, взяв по своему карманному компасу курс на северо-восток.

Он надеялся найти там обитаемые острова или встретить корабль.

Но прошёл день, а Гулливер попрежнему был один в пустынном море. Ветер то надувал парус его лодки, то совсем утихал.

Когда парус повисал и мотался на мачте, как тряпка, Гулливер брался за вёсла. Но трудно было грести маленькими, неудобными вёслами.

Гулливер скоро выбился из сил. Он уже стал думать, что ему никогда больше не увидать родины, не услышать человеческого голоса.

И вдруг на третий день пути около пяти часов дня он заметил вдали парус, который двигался, пересекая ему путь. Гулливер принялся кричать, но ответа не было — его не слышали.

Корабль шёл мимо.

Гулливер налёг на вёсла. Но расстояние между лодкой и кораблём не уменьшалось. На корабле были большие паруса, а у Гулливера — лоскутный парус и самодельные вёсла.

Бедный Гулливер потерял всякую надежду догнать корабль. Но тут, на его счастье, ветер неожиданно упал, и корабль перестал убегать от лодки.

Не спуская глаз с корабля, Гулливер грёб своими маленькими, жалкими вёслами. Лодка двигалась вперёд и вперёд — однако же во сто раз медленнее, чем хотелось Гулливеру.

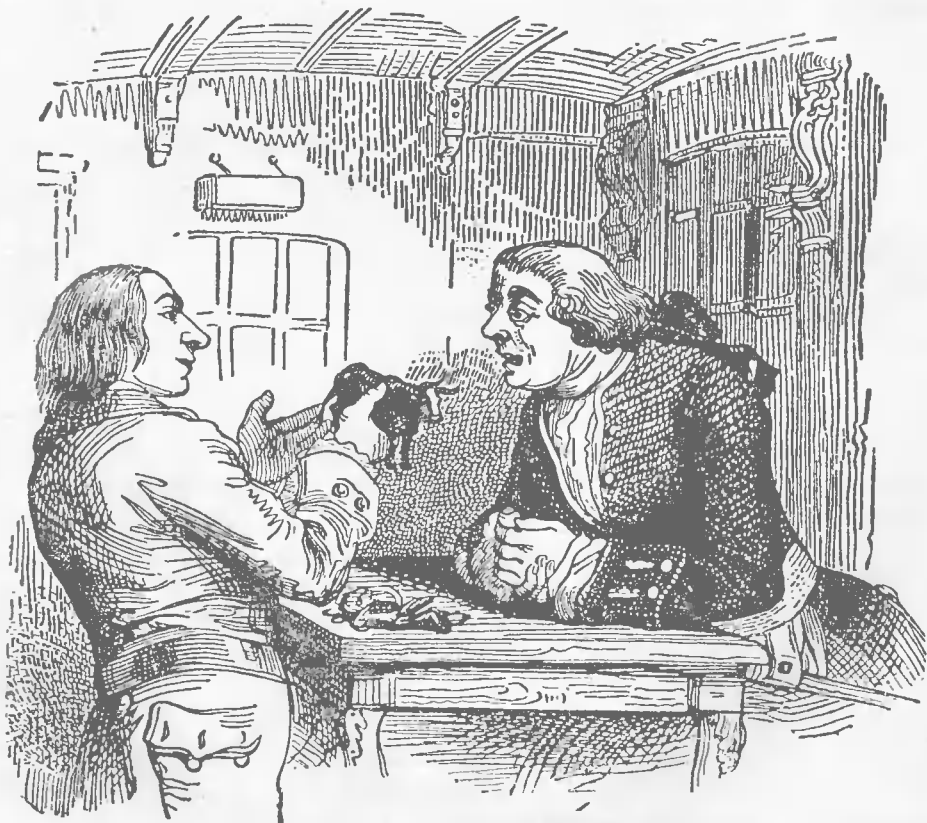
И вдруг на мачте корабля взвился флаг. Грохнул пушечный выстрел.

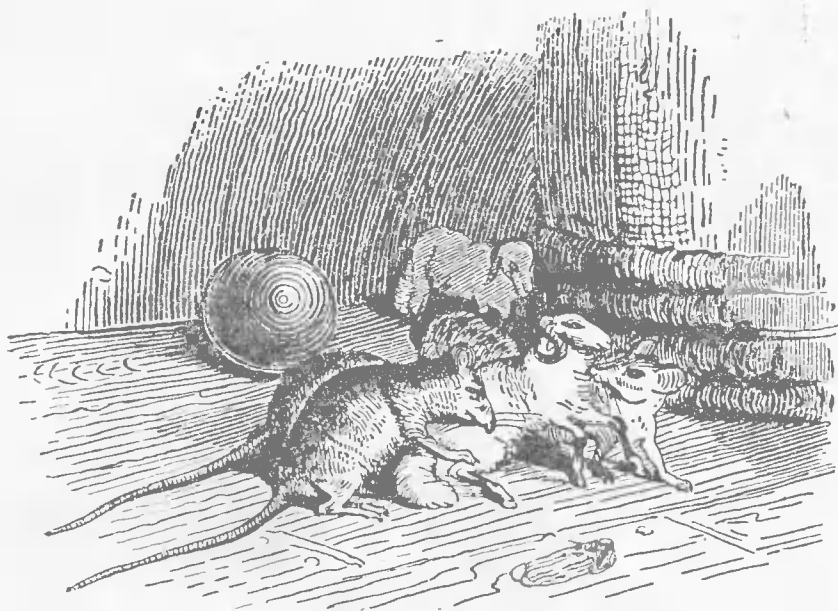
Лодку заметили.

Двадцать шестого сентября, в шестом часу вечера, Гулливер поднялся на борт корабля — настоящего, большого корабля, на котором плавали люди — такие же, как сам Гулливер.

Это было английское торговое судно, возвращавшееся из Японии. Капитан его, Джон Бидль из Дептфорда, оказался любезным человеком и прекрасным моряком. Он приветливо встретил Гулливера и отвёл ему удобную каюту.

Когда Гулливер отдохнул, капитан попросил его рассказать, где он был и куда направляется.

Гулливвер вкратце рассказал ему свои приключения.

Капитан только посмотрел на него и грустно покачал головой.

Гулливвер понял, что капитан не верит ему и считает его человеком, потерявшим рассудок.

Тогда, не говоря ни слова, он вытащил из своих карманов одну за другой лилипутских коров и овец и поставил их на стол. Коровы и овцы разбрелись по столу, как по лужайке.

Капитан долго не мог прийти в себя от изумления. Теперь только он поверил, что Гулливвер сказал ему чистую правду.

— Это самая замечательная история на свете! — воскликнул капитан.

22

Всё остальное путешествие Гулливвера было вполне благополучно, если не считать одной только неудачи: корабельные крысы утащили у него овцу из блефускуанского стада. В щели своей каюты Гулливвер нашёл её косточки, начисто обглоданные.

Все другие овцы и коровы остались целы и невредимы. Они отлично перенесли долгое плавание. В пути Гулливвер кормил их

сухарями, растёртыми в порошок и размоченными в воде. Зерна и сена им хватило только на неделю.

Корабль шёл к берегам Англии на всех парусах.

Тринадцатого апреля 1702 года Гулливер сошёл по трапу на родной берег и скоро обнял свою жену, дочь Бетти и сына Джонни.

Так счастливо окончились чудесные приключения корабельного врача Гулливера в стране лилипутов и на острове Блефуску.

ГУЛИВЕР

В СТРАНЕ
ВЕЛИКАНОВ

1

Гулливвер прожил дома недолго.

Первый месяц он чувствовал себя прекрасно — беседовал с родными и соседями, охотно ел за обедом, крепко спал по ночам.

Но на второй месяц ему стало не по себе. Домашний свежий хлеб показался ему невкусным. «То ли дело морские сухари!» — думал он.

Широкая, мягкая кровать вдруг стала неудобной — так ли спится под мерный плеск моря на корабельной койке, которая покачивается, словно колыбель!..

Ему надоело жить в неподвижном доме, на неподвижной земле. Надоело каждый день видеть из окна всё ту же харчевню с вывеской «Чёрный бык». Он глядел на прохожих и думал:

«Как могут они всю жизнь ходить взад и вперёд по тем же улицам, когда свет так велик? Как могут целые дни сидеть за конторкой или стоять за прилавком, когда из гавани что ни день уходят в далёкие страны многопарусные корабли? Нет, кто хочет и может, пусть сидит дома. Это не для меня! Я моряк и останусь моряком!»

Так думал Гулливер, а ноги сами несли его в порт, к докам, туда, где покачивались у причалов бриги, шхуны и барки, где он мог встретить знакомых моряков.

Дело кончилось тем, что через два месяца после своего возвращения на родину он уже снова числился врачом на корабле «Адвенчер», отправлявшемся в дальнейшее плавание под командой капитана Джона Николса.

Двадцатого июня 1702 года «Адвенчер» вышел в открытое море.

Ветер был попутный. Корабль шёл на всех парусах до самого мыса Доброй Надежды. Здесь капитан приказал бросить якорь и запастись свежей водой. После двухдневной стоянки «Адвенчер» должен был снова пуститься в плавание.

Но неожиданно на корабле открылась течь. Пришлось выгрузить товары и заняться починкой. А тут ещё капитан Николс заболел жестокой лихорадкой.

Корабельный врач Гулливер заботливо осмотрел больного капитана и решил, что ему нельзя продолжать плавание, прежде чем он совсем не поправится.

Так «Адвенчер» и зазимовал у мыса Доброй Надежды.

Только в марте 1703 года на корабле опять были поставлены паруса, и он благополучно совершил переход до Мадагаскарского пролива.

Девятнадцатого апреля, когда корабль был уже недалеко от острова Мадагаскар, лёгкий западный ветер сменился жестоким ураганом.

Двадцать дней корабль гнало на восток. Вся команда измучилась и мечтала только о том, чтобы этот ураган наконец утих.

И вот наступил полный штиль. Целый день в море было тихо, и люди уже стали надеяться, что им удастся отдохнуть. Но капитан Николс, бывалый моряк, не раз плававший в этих местах, с недоверием посмотрел на притихшее море и приказал покрепче привязать пушки.

— Будет буря! — сказал он.

И в самом деле, на другой же день поднялся сильный, порывистый ветер. С каждой минутой он становился всё сильнее, и наконец разразилась такая буря, какой ещё не видывали ни Гулливер, ни матросы, ни сам капитан Джон Николс.

Буря бушевала много дней. Много дней боролся «Адвенчер» с волнами и ветром. Умело маневрируя, капитан приказывал то поднять паруса, то спустить их, то идти по ветру, то лечь в дрейф.

В конце концов «Адвенчер» вышел победителем из этой борьбы. Корабль был в хорошем состоянии, провианта вдоволь, команда здоровая, выносливая и умелая.

Одно только было плохо: на корабле кончились запасы пресной воды. Надо было во что бы то ни стало пополнить их. Но как? Где? Во время бури корабль так далеко отнесло на восток, что даже самые старые и бывалые матросы не могли сказать, в какую часть света их забросило и есть ли поблизости земля.

Все были не на шутку встревожены и с беспокойством посматривали на капитана.

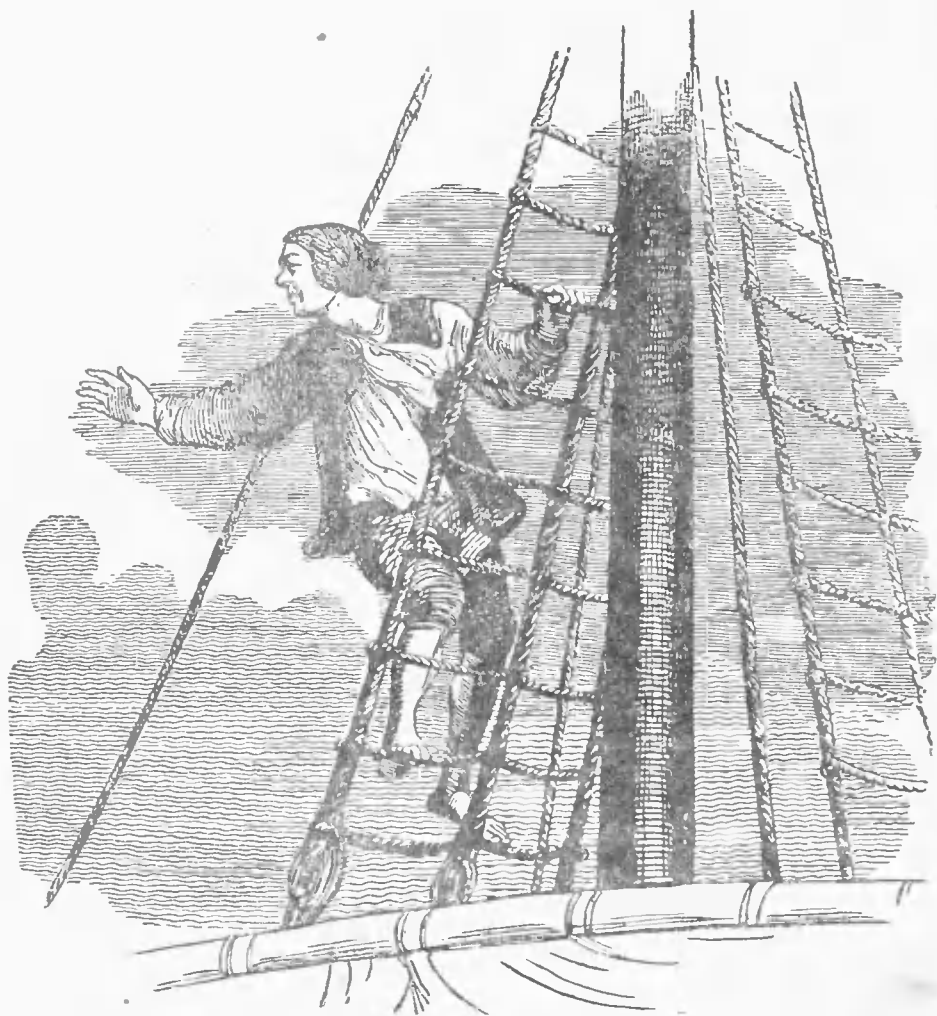
Но вот шестнадцатого июня 1703 года юнга, который стоял на мачте, увидел вдали землю.

Никто не знал, что это такое — большая земля или остров. Пустынные скалистые берега были незнакомы даже капитану Николсу.

Семнадцатого июня корабль подошёл так близко к земле, что Гулливер и все моряки могли ясно разглядеть с палубы длинную песчаную косу и бухту. Но была ли она достаточно глубока для того, чтобы в неё мог войти такой большой корабль, как «Адвенчер»?

Осторожный капитан Николс не решился без лоцмана вводить свой корабль в неизвестную никому бухту. Он приказал бросить якорь и послал к берегу баркас с несколькими хорошо вооружёнными матросами. Матросам дали с собой несколько пустых бочонков и поручили привезти побольше пресной воды, если только им удастся разыскать где-нибудь недалеко от берега озеро, речку или ручей.

Гулливер попросил капитана отпустить его на берег вместе с матросами.

Капитан прекрасно знал, что его учёный спутник для того-то и отправился в далёкое путешествие, чтобы повидать чужие края, и охотно отпустил его.

Скоро баркас причалил к берегу, и Гулливер первым выскочил на мокрые камни.

Вокруг было совсем пусто и тихо. Ни лодки, ни рыбацкой хижины, ни рощицы вдали.

В поисках пресной воды матросы разбрелись по берегу, и Гулливер остался один. Он побрёл наугад, с любопытством оглядывая новые места, но не увидел ровно ничего интересного. Всюду — направо и налево — тянулась бесплодная скалистая пустыня.

Усталый и недовольный, Гулливер медленно зашагал назад, к бухте. Море расстилось перед ним, суровое, серое, неприветливое. Гулливер обогнул какой-то огромный камень и вдруг остановился, испуганный и удивлённый.

Что такое? Матросы уже сели в баркас и что есть мочи гребут к судну.

Как же это они оставили его одного на берегу? Что случилось?

Гулливер хотел громко закричать, окликнуть матросов, но язык у него во рту словно окаменел.

Он увидел, что из-за прибрежной скалы вышел человек огромного роста — сам не меньше этой скалы — и погнался за лодкой.

Море едва доходило ему до колен. Он делал громадные шаги. Ещё два-три таких шага, и он бы схватил баркас за корму. Но.

видно, острые камни на дне мешали ему идти. Он остановился, махнул рукой и повернул к берегу.

У Гулливера от ужаса закружилась голова. Он упал на землю, пополз меж камней, а потом поднялся на ноги и сломя голову побежал, сам не зная куда.

Он думал только о том, где бы ему укрыться от этого страшного огромного человека.

2

Наконец прибрежные пески и камни остались далеко позади.

Гулливер, задыхаясь, взбежал по склону крутого холма и огляделся.

Вокруг всё было зелено. Со всех сторон его обступали рощи и леса.

Он спустился с холма и пошёл по широкой дороге. Справа и слева сплошной стеной стоял густой лес — гладкие голые стволы, прямые, как у сосен.

Гулливер закинул назад голову, чтобы поглядеть на верхушки деревьев, да так и ахнул. Это были не сосны, а колосья ячменя вышиной с деревья!

Должно быть, время жатвы уже подошло. Спелые зёрна величиной с крупную еловую шишку то и дело больно щёлкали Гулливера по спине, по плечам, по голове. Гулливер прибавил шаг.

Он шёл, шёл и наконец добрался до высокой ограды. Ограда была раза в три выше, чем самые высокие колосья, и Гулливер едва-едва мог разглядеть её верхний край.

Попасть с этого участка на соседний было не так-то легко. Для этого нужно было подняться по каменным замшелым ступеням, а потом перелезть через большой, вросший в землю камень.

Ступеней было всего четыре, но зато каждая из них много выше Гулливера. Только став на цыпочки и высоко подняв руку, он мог с трудом дотянуться до края нижней ступени.

Нечего было и думать подняться по такой лестнице.

Гулливер стал внимательно осматривать ограду: нет ли в ней хоть какой-нибудь щёлочки или лазейки, через которую можно было бы выбраться отсюда?

Лазейки не было.

И вдруг на верхней ступеньке лестницы появился огромный человек, ещё больше того, который гнался за баркасом. Он был ростом по крайней мере с колокольню!

Гулливвер в ужасе кинулся в ячменную чашу и притаился, спрятавшись за толстый колос.

Из своей засады он увидел, как великан помахал рукою и, обернувшись, что-то громко закричал. Должно быть, он просто позвал кого-то, но Гулливеру показалось, будто гром грянул в ясном небе.

Вдалеке прозвучало несколько таких же раскатов, и через минуту рядом с великаном оказалось ещё семеро парней ростом с колокольню. Наверно, это были работники. Они были одеты проще и беднее первого великана, и в руках у них были серпы. Да какие серпы! Если шесть наших кос разложить на земле полу-месяцем, вряд ли получился бы такой серп.

Выслушав своего хозяина, великаны один за другим спустились на поле, где притаился Гулливер, и принялись жать ячмень.

Гулливвер, не помня себя от страха, кинулся назад, в чашу колосьев.

Ячмень рос густо. Гулливер еле-еле пробирался между высокими прямыми стволами. Целый дождь тяжёлых зёрен сыпался на него сверху, но он уже не обращал на это никакого внимания.

И вдруг дорогу ему загородил прибитый к земле ветром и дождём стебель ячменя. Гулливер перелез через толстый гладкий ствол и наткнулся на другой, ещё толще. Дальше — целый десяток пригнувшихся к земле колосьев. Стволы тесно переплелись между собою, а крепкие, острые усы ячменя, вернее сказать — усищи, торчали, словно копья. Они прокалывали платье Гулливера и впились в кожу. Гулливер повернул налево, направо... И там те же толстые стволы и страшные колючие усы!

Что же теперь делать? Гулливер понял, что ему ни за что не выбраться из этой чащи. Силы оставили его. Он лёг в борозду и уткнулся лицом в землю. Слезы так и потекли у него из глаз.

Он невольно вспомнил, что ещё совсем недавно, всего несколько месяцев назад, в стране лилипутов он сам себя чувствовал великаном. Там он мог опустить себе в карман всадника с лошадыо, мог одной рукой тянуть за собой целый неприятельский флот, а

теперь он — лилипут среди великанов, и его, Человека-Гору, могучего Куинбуса Флестрина, того и гляди упрячут в карман. И это ещё не самое плохое. Его могут раздавить, как лягушонка, могут свернуть ему голову, как воробью! Мало ли что может случиться!..

В эту самую минуту Гулливер вдруг увидел, что какая-то широкая тёмная плита поднялась над ним и вот-вот опустится. Что это? Неужели подошва огромного башмака? Так и есть! Один из жнецов незаметно подошёл к Гулливеру и остановился над самой его головой. Стоит ему опустить ногу, и он растопчет Гулливера, как жука или кузнечика.

Гулливер вскрикнул, и великан услышал его крик. Он нагнулся и стал внимательно осматривать землю и даже шарить по ней руками.

И вот, сдвинув в сторону несколько колосьев, он увидел что-то живое.

С минуту он опасливо рассматривал Гулливера, как рассматривают невиданных зверьков или насекомых. Видно было, что он соображает, как бы ему поймать удивительного зверька так, чтобы тот не успел его оцарапать или укусить.

Наконец он решился — схватил Гулливера двумя пальцами за бока, быстро поднял и поднес к самым глазам, чтобы лучше разглядеть.

Гулливеру показалось, что какой-то вихрь подхватил его и понёс прямо в небо. Сердце у него оборвалось. «А что если он с размаху швырнёт меня на землю, как мы бросаем жуков и тараканов?» — с ужасом подумал он, и, чуть только перед ним засветились два огромных удивлённых глаза, он умоляюще сложил руки и сказал вежливо и спокойно, хотя голос у него дрожал, а язык прилипал к нёбу:

— Умоляю вас, дорогой великан, пощадите меня! Я не сделаю вам ничего плохого.

Конечно, великан не понял, что говорит ему Гулливер, но Гулливер на это и не рассчитывал. Он хотел только одного: пусть великан заметит, что он, Гулливер, не квакает, не чирикает, не жужжит, а разговаривает, как люди.

И великан это заметил. Он вздрогнул, внимательно посмотрел на Гулливера и ухватил его крепче, чтобы не уронить. Пальцы

его, словно огромные клещи, сжали рёбра Гулливера, и тот невольно вскрикнул от боли.

«Конец! — мелькнуло у него в голове.— Если это чудовище не уронит меня и не разобьёт вдребезги, так уж наверное раздавит или задушит!»

Но великан вовсе не собирался душить Гулливера. Он усмехнулся, приподнял полу кафтана и, осторожно положив в неё свою находку, бегом побежал на другой конец поля.

«Несёт к хозяину»,— догадался Гулливер.

И в самом деле, через минуту Гулливер был уже в руках того великана, который раньше всех других появился на ячменном поле.

Увидев такого маленького человечка, хозяин удивился ещё больше, чем работник. Он долго рассматривал его, поворачивая то направо, то налево. Потом взял соломинку толщиной с трость и стал поднимать ею полы Гулливерова кафтана. Должно быть, он думал, что это что-то вроде надкрылий майского жука.

Все работники собрались вокруг и, вытянув шеи, молча глядели на свою удивительную находку.

Чтобы лучше разглядеть лицо Гулливера, хозяин снял с него шляпу и легонько подул ему на волосы. Волосы у Гулливера поднялись, как от сильного ветра. Потом великан осторожно опустил его на землю и поставил на четвереньки. Наверно, ему хотелось поглядеть, как бегают диковинный зверёк.

Но Гулливер сейчас же поднялся на ноги и стал гордо разгуливать перед великанами, стараясь показать им, что он не майский жук, не кузнечик, а такой же человек, как они, и вовсе не собирается убежать от них или спрятаться среди стеблей.

Он взмахнул шляпой и отвесил своему новому хозяину вежливый поклон. Высоко подняв голову, он произнёс громко и раздельно приветствие на четырёх языках.

Великаны переглянулись и удивлённо покачали головами, но Гулливер ясно видел, что они его не поняли. Тогда он вынул из кармана кошелек с золотом и положил его на ладонь хозяина.

Тот низко наклонился, прищурил один глаз и, сморщив нос, стал разглядывать странную вещицу. Тяжёлый кошелек Гулливера показался ему, должно быть, маленьким и лёгким, как маковое зёрнышко.

Он даже вытащил откуда-то из рукава булавку и потыкал остриём в кошелёк, очевидно, не догадываясь, что это такое.

Тогда Гулливер сам открыл кошелёк и высыпал на ладонь великана всё своё золото — тридцать шесть испанских червонцев.

Великан поспешил кончик пальца и приподнял один испанский золотой, потом другой...

Гулливвер старался знаками объяснить, что он просит великана принять от него этот скромный подарок. Он кланялся, прижимал руки к сердцу, но великан так ничего и не понял и тоже знаками приказал Гулливеру положить монеты обратно в кошелёк, а кошелёк спрятать в карман.

Потом он заговорил о чём-то со своими работниками, и Гулливеру показалось, что восемь водяных мельниц разом зашумели у него над головой. Он был рад, когда работники, наконец, ушли на поле.

Тогда великан достал из кармана свой носовой платок, сложил его в несколько раз и, опустив левую руку до самой земли, покрыл ладонь платком.

Гулливвер сразу понял, чего от него хотят. Он покорно взошёл на эту широкую ладонь и, чтобы не свалиться с неё, лёг ничком.

Видно, великан очень боялся уронить и потерять Гулливера, — он бережно завернул его в платок, точно в одеяло, и, прикрыв другой ладонью, понёс к себе домой.

3

Был полдень, и хозяйка уже подала на стол обед, когда великан с Гулливером на ладони перешагнул порог своего дома.

Ни слова не говоря, великан протянул жене ладонь и приподнял край платка, которым был закрыт Гулливер.

Она попятилась и взвизгнула так, что у Гулливера чуть не лопнули обе барабанные перепонки.

Но скоро великанша разглядела Гулливера, и ей понравилось, как он кланяется, снимает и надевает шляпу, осторожно ходит по столу между тарелками.

А Гулливер и в самом деле двигался по столу опасливо и осторожно. Он старался держаться подальше от края, потому что стол был очень высокий — по меньшей мере с двухэтажный дом.

Вся хозяйская семья разместилась вокруг стола — отец, мать, трое детей и старуха бабушка. Гулливера хозяин посадил возле своей тарелки.

Перед хозяйкой возвышался на блюде огромный кусок жареной говядины.

Она отрезала маленький ломтик мяса, отломила кусочек хлеба и положила всё это перед Гулливером.

Гулливер поклонился, достал из футляра свой дорожный прибор — вилку и ножик — и принялся за еду.

Хозяева разом опустили вилки и, улыбаясь, уставились на него. Гулливеру стало страшно. Кусок застрял у него в горле, ког-

да он увидел со всех сторон эти огромные, как фонари, любопытные глаза и зубы, которые были больше, чем его голова.

Но он не хотел, чтобы все эти великаны, взрослые и маленькие, заметили, как сильно он их боится, и, стараясь не глядеть по сторонам, доел свой хлеб и мясо.

Хозяйка что-то сказала служанке, и та сейчас же поставила перед Гулливером рюмку, до краёв наполненную каким-то золотистым прозрачным напитком.

Должно быть это была самая маленькая, ликёрная рюмочка — в ней помещалось не больше кувшина вина.

Гулливер встал, поднял рюмку обеими руками и, подойдя прямо к хозяйке, выпил за её здоровье.

Это очень понравилось всем великанам. Дети принялись так громко хохотать и хлопать в ладоши, что Гулливер чуть не оглох.

Он поспешил опять укрыться за тарелкой хозяина, но второпях споткнулся о корку хлеба и растянулся во весь рост. Он сейчас же вскочил на ноги и с тревогой посмотрел вокруг — ему совсем не хотелось показаться смешным и неловким.

Однако на этот раз никто не засмеялся. Все с беспокойством глядели на маленького человечка, а служанка сейчас же убрала со стола злополучную корку.

Чтобы успокоить своих хозяев, Гулливер помахал шляпой и трижды прокричал «ура» в знак того, что всё обошлось благополучно.

Он и не знал, что в эту самую минуту его подстерегает новая неприятность.

Как только он подошёл к хозяину, один из мальчиков, десятилетний шалун, сидевший рядом с отцом, быстро схватил Гулливера за ноги и поднял так высоко, что у бедняги захватило дух и закружилась голова.

Неизвестно, что бы ещё придумал озорник, но отец сейчас же выхватил Гулливера у него из рук и опять поставил на стол, а мальчишку наградил звонкой оплеухой.

Таким ударом можно было бы выбить из сёдел целый эскадрон гренадер, — разумеется, обыкновенной человеческой породы.

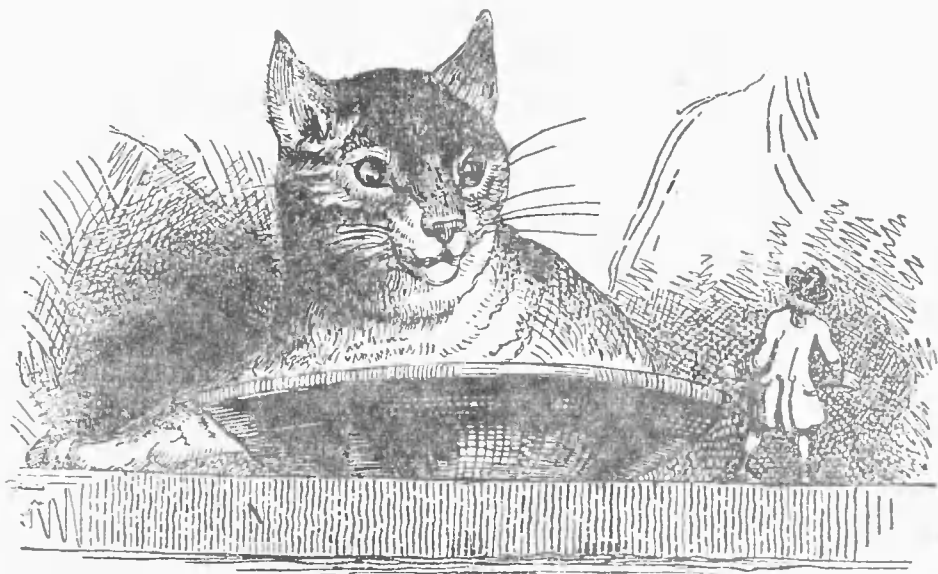
После этого отец строго приказал сыну немедленно выйти из-за стола. Мальчишка заревел, как стадо быков, и Гулливеру стало его жалко.

«Стоит ли на него сердиться? Ведь он ещё маленький», — подумал Гулливер, опустился на одно колено и знаками стал умолять своего хозяина простить шалуна.

Отец кивнул головой, и мальчуган снова занял своё место за столом. А Гулливер, усталый от всех этих приключений, сел на скатерть, прислонился к солонке и на минуту закрыл глаза.

Вдруг он услышал у себя за спиной какой-то сильный шум. Такой мерный, густой рокот можно услышать в чулочных мастерских, когда там работает не меньше десяти машин разом.

Гулливер оглянулся — и сердце у него сжалось. Он увидел над столом огромную страшную морду какого-то хищного зверя. Зелёные яркие глаза то лукаво щурились, то жадно открывались. Воинственно торчали в стороны длинные пушистые усы.

Кто это? Рысь? Бенгальский тигр? Лев? Нет, этот зверь раза в четыре больше самого большого льва.

Осторожно выглядывая из-за тарелки, Гулливер рассматривал зверя. Смотрел, смотрел — и наконец понял: это кошка! Обыкновенная домашняя кошка. Она взобралась на колени к хозяйке, и хозяйка гладит её, а кошка разнежилась и мурлычет.

Ах, если бы эта кошка была такая же маленькая, как все те кошки и котята, которых видел Гулливер у себя на родине, он бы тоже ласково погладил её и пощекотал за ушами!

Но осмелится ли мышка щекотать кошку?

Гулливер уже хотел было спрятаться куда-нибудь подальше, в пустую миску или чашку, — но, к счастью, вспомнил, что хищные звери всегда нападают на того, кто их боится, и боятся того, кто нападает на них.

Эта мысль вернула Гулливеру смелость. Он положил руку на эфес шпаги и храбро шагнул вперёд.

Давний охотничий опыт не обманул Гулливера. Пять или шесть раз он бесстрашно подходил к самой морде кошки, и кошка

даже не посмела протянуть к нему лапу. Она только прижимала уши и пятилась назад.

Кончилось тем, что она соскочила с колен хозяйки и сама убралась подальше от стола. Гулливер вздохнул с облегчением.

Но тут в комнату вбежали две огромные собаки.

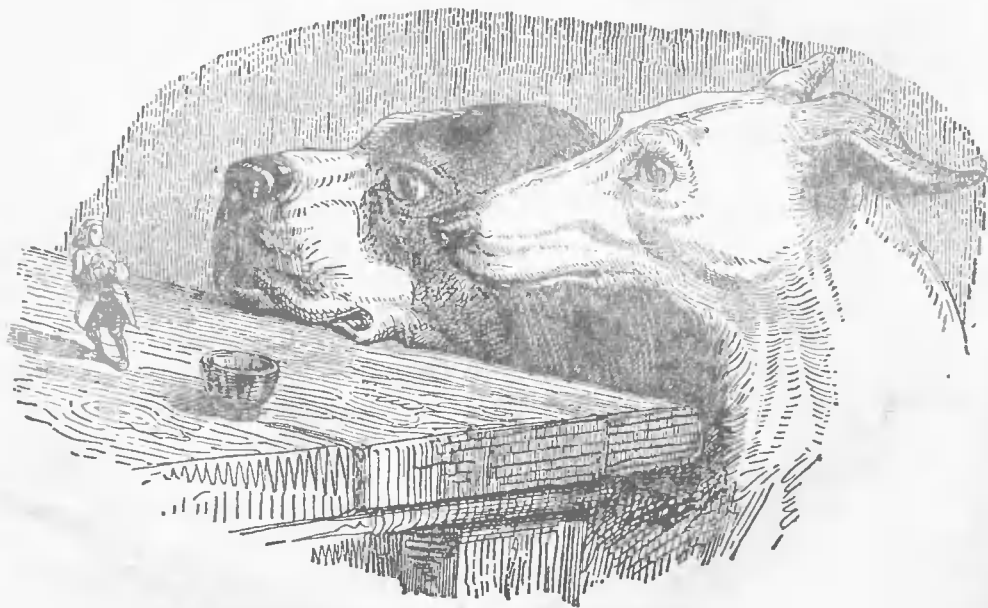
Если вы хотите знать, какой они были величины, поставьте друг на дружку четырёх слонов, и вы получите самое точное представление.

Одна собака, несмотря на свой огромный рост, была обыкновенная дворняга, другая — охотничья, из породы борзых.

К счастью, обе собаки не обратили на Гулливера особого внимания и, получив от хозяина какую-то подачку, убежали во двор.

К самому концу обеда в комнату вошла кормилица с годовалым ребёнком на руках.

Ребёнок сразу же заметил Гулливера, протянул к нему руки и поднял оглушительный рёв. Если бы этот двухсаженный младенец находился на одной из лондонских окраин, его бы непременно

услышали на другой окраине даже глухие. Должно быть, он принял Гулливера за игрушку и сердился, что не может дотянуться до неё.

Мать ласково улыбнулась и, недолго думая, взяла Гулливера и поставила перед ребёнком. А мальчуган, тоже недолго думая, схватил его поперёк туловища и стал засовывать себе в рот его голову.

Но тут уж Гулливер не вытерпел. Он закричал чуть ли не громче своего мучителя, и ребёнок в испуге выронил его из рук.

Наверное, это было бы последнее приключение Гулливера, если бы хозяйка не поймала его на лету в свой передник.

Ребёнок заревел ещё пронзительней, и, чтобы успокоить его, кормилица стала вертеть перед ним погремушку. Погремушка была привязана к поясу младенца толстым якорным канатом и напоминала большую выдолбленную тыкву. В её пустом нутре гроыхало и перекачивалось по крайней мере штук двадцать булыжников.

Но ребёнок и смотреть не хотел на свою старую погремушку. Он надрывался от крика. Наконец великанша, прикрыв Гулливера фартуком, незаметно унесла его в другую комнату.

Там стояли кровати. Она уложила Гулливера на свою постель и укрыла его чистым носовым платком. Платок этот был больше, чем парус военного корабля, и такой же толстый и грубый.

Гулливер очень устал. Глаза у него слипались, и, как только хозяйка оставила его одного, он укрылся с головой своим жёстким холщёвым одеялом и крепко уснул.

Он спал больше двух часов, и ему снилось, что он дома, среди родных и друзей.

Когда же он проснулся и понял, что лежит на кровати, у которой конца-края не видать, в огромной комнате, которую не обойдёшь и в несколько часов, ему стало очень грустно. Он опять зажмурил глаза и натянул повыше уголок платка. Но на этот раз заснуть ему не удалось.

Едва только он задремал, как услышал, что кто-то тяжело соскочил с полога на постель, пробежал по подушке и остановился возле него, не то посвистывая, не то посапывая.

Гулливер быстро приподнял голову и увидел, что над самым его лицом стоит какой-то длинномордый усатый зверь и смотрит прямо ему в глаза чёрными блестящими глазами.

Крыса! Отвратительная бурая крыса величиной с большую дворнягу! И она не одна, тут их две, они нападают на Гулливера с двух сторон!

Ах, дерзкое животное! Одна из крыс осмелела настолько, что упёрлась лапами прямо в воротник Гулливера.

Он отскочил в сторону, выхватил шпагу и с одного удара распорол зверю брюхо. Крыса упала, обливаясь кровью, а другая пустилась наутек.

Но тут уж Гулливер погнался за нею, настиг у самого края постели и отрубил ей хвост. С пронзительным визгом она скатилась куда-то вниз, оставив за собой длинный кровавый след.

Гулливер вернулся к умирающей крысе. Она ещё дышала. Сильным ударом он прикончил её.

В эту самую минуту в комнату вошла хозяйка. Увидев, что Гулливер весь в крови, она в испуге подбежала к постели и хотела взять его на руки.

Но Гулливер, улыбаясь, протянул ей свою окровавленную шпагу, а потом показал на мёртвую крысу, и она всё поняла.

Позвав служанку, она велела ей сейчас же взять крысу щипцами и выбросить вон за окошко. И тут обе женщины заметили отрубленный хвост другой крысы. Он лежал у самых ног Гулливера, длинный, как пастушеский кнут.

4

У хозяев Гулливера была дочка — хорошенькая, ласковая имышлёная девочка.

Ей было уже девять лет, но для своего возраста она была очень маленькая — всего с какой-нибудь трёхэтажный домик, да и то без всяких флюгеров и башен.

У девочки была кукла, для которой она шила нарядные рубашечки, платья и передники.

Но с тех пор как в доме появилась удивительная живая куколка, она и смотреть больше не хотела на старые игрушки.

Свою прежнюю любимицу она сунула в какую-то коробку, а её колыбельку отдала Гулливеру.

Колыбельку днём держали в одном из ящичков комода, а вечером ставили на полку, прибитую под самым потолком, чтобы крысы не могли добраться до Гулливера.

Девочка смастерила для своего «грильдрига» (на языке великанов «грильдриг» значит «человечек») подушку, одеяльце и простыни. Она сшила ему семь рубашек из самого тонкого полотняного лоскута, какой только могла найти, и всегда сама стирала для него бельё и чулки.

У этой девочки Гулливер стал учиться языку великанов. Он показывал пальцем на какой-нибудь предмет, и девочка несколько раз подряд внятно повторяла, как он называется.

Она так заботливо ухаживала за Гулливером, так терпеливо учила его говорить, что он прозвал её своей «глюмдальклич» — то есть нянюшкой.

Через несколько недель Гулливер стал понемногу понимать, о чём говорят вокруг него, и сам с грехом пополам мог объясняться с великанами.

А между тем слух о том, что его хозяин нашёл у себя на поле удивительного зверька, распространился по всем окрестностям.

Говорили, что зверёк крошечный, меньше белки, но с виду очень похож на человека: ходит на двух ногах, стрекочет на каком-то своём наречии, но уже немного научился говорить и на человеческом языке. Он понятливый, послушный, охотно идёт на зов и делает всё, что ему приказывают. Мордочка у него беленькая — нежней и белей, чем лицо у трёхлетней девочки, а шерстка на голове шелковистая и мягкая, как пух.

И вот в один прекрасный день в гости к хозяевам приехал их старый приятель.

Он сразу же спросил у них, правда ли, что они нашли какого-то удивительного зверька, и в ответ на это хозяева велели своей дочке принести Грильдрига...

Девочка побежала, принесла Гулливера и поставила его на стол.

Гулливеру пришлось показать всё, чему научила его Глюм-дальклич.

Он маршировал вдоль и поперёк стола, по команде вынимал из ножен свою шпагу и вкладывал её обратно, кланялся гостю, спрашивал у него, как он поживает, и просил приходить почаще.

Старику понравился диковинный человечек. Чтобы получше разглядеть Грильдрига, он надел очки, и Гулливер, взглянув на него, не мог удержаться от смеха: очень уж похожи были его глаза

на полную луну, когда она заглядывает в каюту через круглое корабельное окошко.

Глюмдальклич сразу поняла, что так рассмешило Гулливера, и тоже фыркнула.

Гость обиженно поджал губы.

— Очень весёлый зверёк! — сказал он. — Но мне кажется, для вас будет выгоднее, если люди станут смеяться над ним, а не он будет смеяться над людьми.

И старик тут же посоветовал хозяину отвезти Гулливера в ближайший город, до которого было всего полчаса езды, то есть около двадцати двух миль, и в первый же базарный день показать его там за деньги.

Гулливер уловил и понял всего несколько слов из этого разговора, но он сразу почувствовал, что против него затевается что-то неладное.

Глюмдальклич подтвердила его опасения. Обливаясь слезами, она сказала, что, видно, папа и мама опять хотят поступить с ней так же, как в прошлом году, когда они подарили ей барашка: не успела она его откормить, как они продали его мяснику. И нынче то же самое: они уже отдали ей Грильдрига совсем, а теперь собираются возить его по ярмаркам.

Сначала Гулливер очень огорчился — ему обидно было думать, что его хотят показывать на ярмарке, как учёную обезьяну или морскую свинку.

Но потом в голову ему пришло, что если он будет безвыездно жить в доме у своего хозяина, он так и состарится в ящике комода.

А во время странствований по ярмаркам — кто знает? — судьба его может перемениться.

И он с надеждой стал ожидать первой поездки.

5

И вот этот день настал.

Чуть свет хозяин со своей дочкой и Гулливером тронулись в путь.

Они ехали верхом на одной лошади: хозяин впереди, дочка позади, а Гулливер в ящике, который держала в руках девочка.

Лошадь бежала такой крупной рысью, что Гулливеру казалось, будто он опять на корабле и корабль то взлетает на гребень волны, то проваливается в бездну.

По какой дороге его везут, Гулливер не видал: он сидел, — вернее сказать, лежал, — в тёмном ящике, который его хозяин сколотил накануне, чтобы перевезти маленького человечка из деревни в город.

Окошек в ящике не было. В нём была только небольшая дверца, через которую Гулливер мог входить и выходить, да несколько отверстий в крышке для доступа воздуха.

Заботливая Глюмдальклич положила в ящик стёганое одеяло с кровати своей куклы. Но может ли защитить от ушибов даже самое толстое одеяло, когда при каждом толчке тебя подбрасывает на аршин от пола и швыряет из угла в угол?

Глюмдальклич с тревогой слушала, как её бедный Грильдриг перекатывается с места на место и стучается об стенки.

Чуть только лошадь остановилась, девочка соскочила с седла и, приоткрыв дверцу, заглянула в ящик. Измученный Гулливер с трудом поднялся на ноги и, шатаясь, вышел на воздух.

Всё тело у него болело и перед глазами плыли зелёные круги — так растрясло его за полчаса этой трудной дороги. Если бы не привычка к океанским штормам и ураганам, у него бы, наверное, началась морская болезнь.

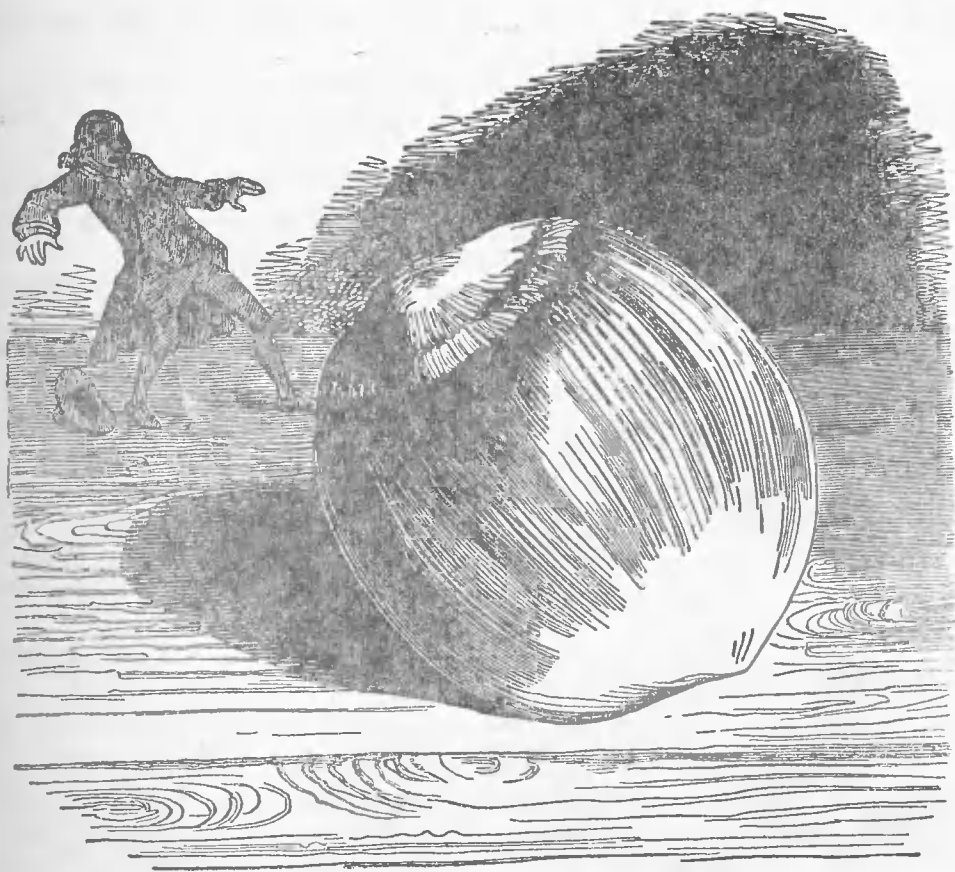
Но долго отдыхать Гулливеру не пришлось. Хозяин не хотел терять ни минуты дорогого времени.

Он снял в гостинице «Зелёный орёл» самую большую комнату, распорядился поставить посредине широкий стол и нанял грультруда, по-нашему сказать — глашатая.

За один час грультруд обошёл весь город и оповестил зрителей, что в гостинице под вывеской «Зелёный орёл» за умеренную плату можно увидеть удивительного зверька. Этот зверёк не больше человеческого пальца, но выглядит как настоящий человек. Он понимает всё, что ему говорят, сам умеет произносить несколько слов и проделывает разные забавные штуки.

Народ валом повалил в гостиницу.

Гулливера поставили на стол, а Глюмдальклич взобралась на табуретку, чтобы охранять его и подсказывать, что он должен делать.

По команде девочки он маршировал взад и вперёд, вынимал из ножен свою шпагу и размахивал ею. Глюмдальклич дала ему соломинку, и он проделывал ею, точно копьём, разные упражнения. Под конец он взял напёрсток, наполненный вином, выпил за здоровье публики и пригласил всех навестить его снова в следующий базарный день.

В комнате, где шло представление, помещалось не больше тридцати человек. А посмотреть на удивительного Грильдрига хотел чуть ли не весь город. Поэтому Гулливеру пришлось двенадцать раз подряд повторять одно и то же представление для новых

и новых зрителей. К вечеру он так измучился, что еле ворочал языком и переступал ногами.

Хозяин никому не позволял дотрагиваться до Гулливера — он боялся, что кто-нибудь по неосторожности раздавит ему рёбра или сломает руки и ноги.

На всякий случай он приказал поставить скамейки для зрителей подальше от стола, на котором шло представление.

Но это не уберегло Гулливера от неожиданной беды.

Какой-то школьник, сидевший в задних рядах, вдруг привстал, прицелился и запустил прямо в голову Гулливеру большой калёный орех.

Этот орех был величиной с хорошую дыню, и если бы Гулливер не отскочил в сторону, он бы наверняка остался без головы.

Мальчишку выдрали за уши и вывели из залы. Но Гулливеру с этой минуты стало как-то не по себе. Соломинка показалась ему тяжёлой, а вино в напёрстке слишком крепким и кислым. Он был от души рад, когда Глюмдальклич спрятала его в ящик и захлопнула за ним дверцу.

После первого представления у Гулливера началась трудная жизнь.

Каждый базарный день его привозили в город, и он с утра до вечера бегал по столу, потешая публику. Да и дома, в деревне, у него не было ни минуты покоя. Окрестные помещики со своими детьми, наслышавшись рассказов о диковинном человечке, приезжали к его хозяину и требовали, чтобы им показали Грильдрига.

Поторговавшись, хозяин устраивал у себя дома представление. Гости уезжали очень довольные и, возвратившись к себе, посылали посмотреть на Гулливера всех своих соседей, знакомых и родственников.

Хозяин понял, что показывать Гулливера очень выгодно.

Недолго думая, он решил объехать с ним все крупные города страны великанов.

Сборы были недолгие.

Семнадцатого августа 1703 года, ровно через два месяца после того, как Гулливер сошёл с корабля, хозяин, Глюмдальклич и Гулливер отправились в дальнюю дорогу.

Страна великанов называлась Бробдингнэг, а главный город её — Лорбрульгруд, что значит по-нашему «гордость вселенной».

Столица находилась как раз в середине страны, и для того чтобы попасть в неё, Гулливеру и его огромным спутникам пришлось переправиться через шесть широких рек. По сравнению с ними реки, которые он видел у себя на родине и в других странах, казались узенькими мелкими ручейками.

Путешественники проехали восемнадцать городов и множество деревень, но Гулливер почти не видел их. Его возили по ярмаркам не для того, чтобы показывать ему всякие диковины, а для того, чтобы его самого показывать как диковину.

Как всегда, хозяин ехал верхом, а Глюмдальклич сидела позади него и держала на коленях ящик с Гулливером.

Но перед этим путешествием девочка обила стенки ящика толстой мягкой материей, пол устлала матрацами, а в угол поставила кровать своей куклы.

И всё-таки Гулливер сильно уставал от непрерывной качки и тряски.

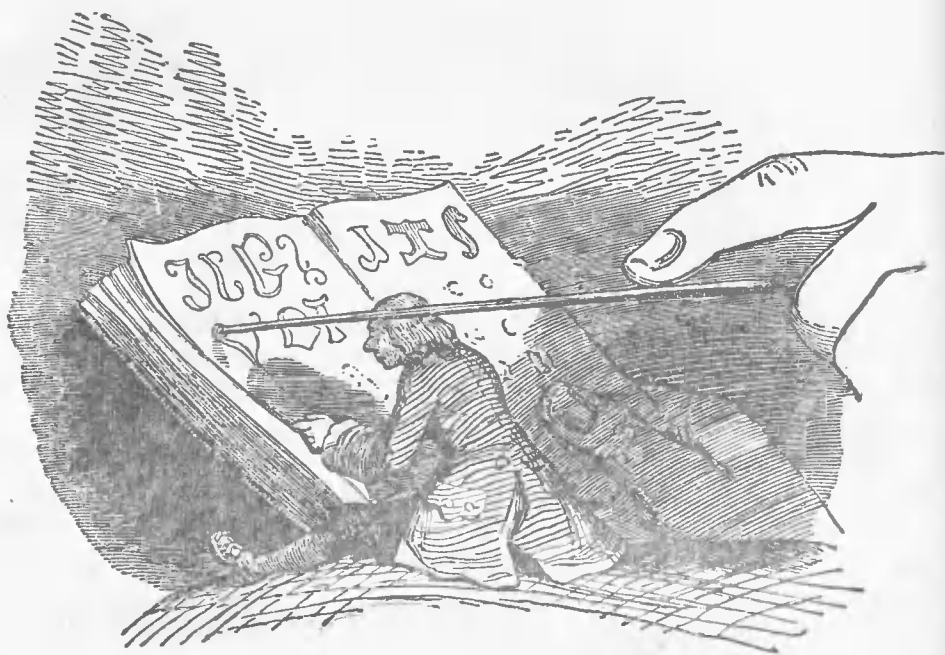
Девочка заметила это и уговорила отца ехать помедленнее и останавливаться почаще.

Когда Гулливеру надоело сидеть в тёмном ящике, она вынимала его оттуда и ставила на крышку, чтобы он мог подышать свежим воздухом и полюбоваться замками, полями и рощами, мимо которых они проезжали. Но при этом она всегда крепко держала его за ноги, чтобы его не унёс ветер.

Если бы Гулливер свалился с такой высоты, он бы, наверно, умер от страха, ещё не долетев до земли. Но в руках у своей нянюшки он чувствовал себя в безопасности и с любопытством глядел по сторонам.

По старой привычке опытного путешественника, Гулливер даже во время самых трудных переездов старался не терять времени даром. Он прилежно учился у своей Глюмдальклич, запоминал новые слова и с каждым днём всё лучше и лучше говорил по-бробдингнэгски.

Глюмдальклич всегда возила с собой маленькую карманную книжку, размером не больше географического атласа. Это были

правила поведения примерных девочек. Она показала Гулливеру буквы, и он скоро научился по этой книжке бегло читать.

Узнав об его успехах, хозяин стал заставлять Гулливера читать вслух разные книжки во время представления.

Это очень забавляло зрителей, и они целыми толпами сбегались посмотреть на грамотного кузнечика.

Хозяин показывал Гулливера в каждом городе и в каждой деревне. Иногда он сворачивал с дороги и заезжал в замок какого-нибудь знатного вельможи.

Чем больше представлений давали они в пути, тем толще становился кошелёк хозяина и тем тоньше делался бедный Гулливер.

Когда, наконец, путешествие их окончилось и они прибыли в столицу, Гулливер от усталости еле держался на ногах.

Но хозяин и думать не хотел ни о какой передышке. Он занял в гостинице большую залу, велел поставить в ней стол, нарочно

обнесённый перильцами, чтобы Гулливер как-нибудь случайно не свалился на пол, и расклеил по всему городу афиши, где чёрным по белому было сказано: «Кто не видел учёного Грильдрига, тот не видел ничего».

Представления начались. Иной раз Гулливеру приходилось показываться публике по десять раз в день.

Он чувствовал, что долго ему этого не выдержать. И часто, маршируя по столу со своей соломинкой в руках, он думал о том, как грустно окончить свой век на этом столе с перильцами, под громкий хохот праздной публики.

Но как раз тогда, когда Гулливеру казалось, что несчастнее его нет никого на всей земле, судьба его неожиданно переменялась к лучшему.

В одно прекрасное утро в гостиницу явился один из адъютантов короля и потребовал, чтобы Гулливера немедленно доставили во дворец.

Оказалось, что накануне две придворные дамы видели учёного Грильдрига и так много рассказывали о нём королеве, что та захотела непременно поглядеть на него сама и показать своим дочкам.

Глюмдальклич надела своё лучшее парадное платье, собственноручно умыла и причесала Гулливера и понесла его во дворец. В этот день представление удалось ему на славу. Никогда ещё он не орудовал шпагой и соломинкой так ловко, никогда не маршировал так чётко и весело. Королева была в восторге. Она милостиво протянула Гулливеру свой мизинец, и Гулливер, бережно обхватив его двумя руками, приложился к её ногтю. Ноготь у королевы был гладкий, отполированный, и, целуя его, Гулливер ясно увидел в нём своё лицо, будто в овальном зеркале. Тут только он заметил, что за последнее время сильно переменялся — побледнел, похудел и на висках у него появились первые седые волосы.

Королева задала Гулливеру несколько вопросов. Ей хотелось узнать, где он родился, где жил до сих пор, как и когда попал в Бробдингнэг. Гулливер отвечал на все вопросы точно, коротко, вежливо и так громко, как только мог.

Тогда королева спросила Гулливера, хочет ли он остаться у неё во дворце.

Гулливвер ответил, что будет счастлив служить такой прекрасной, милостивой и мудрой королеве, если только его хозяин согласится отпустить его на волю.

— Он согласится! — сказала королева и сделала какой-то знак своей придворной даме.

Через несколько минут хозяин Гулливера уже стоял перед королевой.

— Я беру себе этого человечка, — сказала королева. — Сколько ты хочешь получить за него?

Хозяин задумался.

Показывать Гулливера было очень выгодно. Но долго ли ещё можно его показывать? Он с каждым днём тает, как сосулька на солнце, и, кажется, скоро его совсем не будет видно.

— Тысячу золотых! — сказал он.

Королева велела отсчитать ему тысячу золотых, а потом опять обернулась к Гулливеру.

— Ну вот, — сказала она, — теперь ты наш, Грильдриг.

Гулливвер прижал руки к сердцу.

— Я низко кланяюсь вашему величеству, — сказал он, — но если милость ваша равна вашей красоте, я осмелюсь просить мою повелительницу не разлучать меня с моей дорогой Глюмдальклич, моей нянюшкой и учительницей.

— Очень хорошо, — сказала королева. — Она останется при дворе. Здесь её будут учить и хорошо смотреть за нею, а она будет учить тебя и смотреть за тобой.

Глюмдальклич чуть не подпрыгнула от радости. Хозяин был тоже очень доволен. Он никогда и мечтать не мог, что устроит дочку при королевском дворе.

Уложив деньги в свой дорожный мешок, он низко поклонился королеве, а Гулливеру сказал, что желает ему удачи на новой службе.

Гулливвер, не отвечая, еле кивнул ему головой.

— Ты, кажется, сердись на своего бывшего хозяина, Грильдриг? — спросила королева.

— О нет, — ответил Гулливер. — Но я полагаю, что мне не о чем с ним говорить. До сих пор он сам не разговаривал со мной и не спрашивал меня, могу ли я выступать перед публикой по десять раз в день. Я обязан ему только тем, что меня не раздавили

и не растоптали, когда случайно нашли у него на поле. За это одолжение я с избытком расплатился с ним теми деньгами, которые он нажил, показывая меня по всем городам и деревням страны. Я уже не говорю о тысяче золотых, полученных им от вашего величества за мою ничтожную особу. Этот жадный человек довёл меня чуть ли не до смерти и ни за что не отдал бы меня даже за такую цену, если бы не думал, что я уже не стою ни гроша. Но я надеюсь, что на этот раз он ошибся. Я чувствую приток новых сил и готов усердно служить моей прекрасной королеве и повелительнице.

Королева очень удивилась.

— Я никогда не видала и не слыхала ничего подобного! — воскликнула она. — Это самое рассудительное и красноречивое насекомое из всех насекомых на свете!

И, взяв Гулливера двумя пальцами, она понесла его показать королю.

7

Король сидел у себя в кабинете и был занят какими-то важными государственными делами.

Когда королева подошла к его столу, он только мельком взглянул на Гулливера и через плечо спросил, давно ли королева пристрастилась к дрессированным мышам.

Королева молча улыбнулась в ответ и поставила Гулливера на стол.

Гулливер низко и почтительно поклонился королю.

— Кто смастерил вам такую забавную заводную игрушку? — спросил король.

Тут королева сделала знак Гулливеру, и он произнёс самое длинное и красноречивое приветствие, какое только мог придумать.

Король удивился. Он откинулся на спинку кресла и стал задавать диковинному человечку вопрос за вопросом.

Гулливер отвечал королю подробно и точно. Он говорил чистую правду, но король глядел на него, прищурив глаза, и недоверчиво покачивал головой.

Он приказал позвать трёх самых знаменитых в стране учёных и предложил им хорошенько осмотреть это маленькое редкостное двуногое, чтобы определить, к какому разряду оно принадлежит.

Учёные долго разглядывали Гулливера в увеличительное стекло и наконец решили, что он не зверь, так как ходит на двух ногах и владеет членораздельной речью. Он и не птица, так как у него нет крыльев и, по всей видимости, он не умеет летать. Он не рыба, так как у него нет ни хвоста, ни плавников. Должно быть, он и не насекомое, так как ни в одной учёной книге нет упоминания о насекомых, столь похожих на человека. Однако он и не человек — если судить по его ничтожному росту и еле слышному голосу. Вернее всего, это просто игра природы — «рельпюм сколькатс», по-бробдингнежски.

Услышав это, Гулливер очень обиделся.

— Думайте, что хотите, — сказал он, — но я вовсе не игра природы, а самый настоящий человек.

И, попросив у короля разрешения, он подробно рассказал, кто он такой, откуда приехал, где и как жил до сих пор.

— В наших краях обитают миллионы мужчин и женщин такого же роста, как я, — уверял он короля и учёных. — Наши горы, реки и деревья, наши дома и башни, лошади, на которых мы ездим, звери, на которых мы охотимся, — словом, всё, что нас окружает, во столько же раз меньше ваших гор, рек, деревьев и животных, во сколько я меньше вас.

Учёные засмеялись и сказали, что они для того и учились, чтобы не верить нелепым басням, но король понял, что Гулливер не лжёт.

Он отпустил учёных, позвал к себе в кабинет Глюмдальклич и велел разыскать её отца, который, к счастью, ещё не успел уехать из города.

Он долго расспрашивал их обоих, как и в каком месте был найден Гулливер, и ответы их вполне убедили его в том, что Гулливер говорит правду.

— Если это и не человек, — сказал король, — то, во всяком случае, человечек.

И он попросил королеву беречь Гулливера и заботиться о нём как можно лучше.

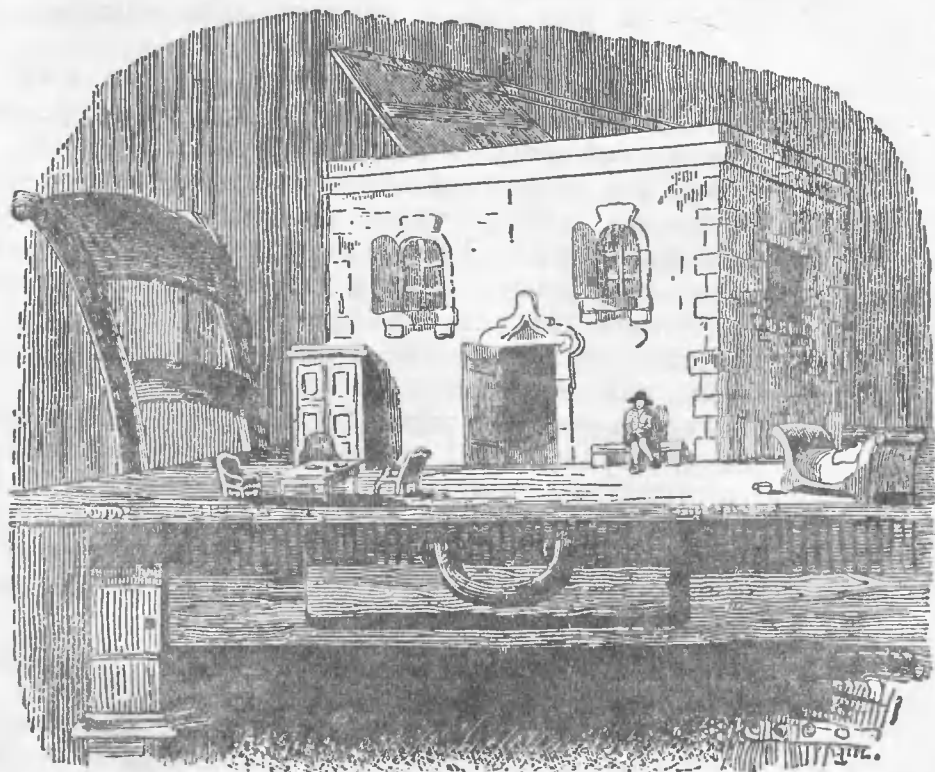
Королева охотно обещала взять Гулливера под своё покровительство. Умный и вежливый Грильдриг понравился ей гораздо больше, чем её прежний любимец — карлик.

Этот карлик до сих пор считался самым маленьким человеком в стране. Он был ростом всего в четыре сажени и еле доходил до плеча девятилетней Глюмдадьлич. Но разве можно было сравнить его с Грильдригом, который помещался у королевы на ладони!

Королева отвела Гулливеру комнаты рядом со своими собственными покоем. В этих комнатах поселилась Глюмдальклич с учительницей и служанками, а сам Гулливер приютился на маленьком столике под окошком, в красивом ореховом ящике, который служил ему спальней.

Этот ящик изготовил по особому заказу королевы придворный столяр. Ящик был длиною в шестнадцать шагов, а шириною в двенадцать. С виду он походил на небольшой домик — светлые окошки со ставнями, резная дверь с висячим замком, — только крыша у домика была плоская. Эта крыша поднималась и опускалась на петлях. Каждое утро Глюмдальклич поднимала её и прибирала спальню Гулливера.

В спальне стояли два платяных шкафа, удобная кровать, комод для белья, два стола и кресла с подлокотниками. Все эти вещи сделал для Гулливера игрушечный мастер, который славился своим умением резать из кости и дерева изящные безделушки.

Кресла, комод и столики изготовили из какого-то материала, похожего на слоювую кость, а кровать и шкафы — из орехового дерева, как и весь домик.

Для того чтобы Гулливер невзначай не ушибся, когда его домик будут переносить с места на место, стены, потолок и пол спальни обили мягким и толстым войлоком.

Дверной замок был заказан по особой просьбе Гулливера: он очень боялся, чтобы к нему в дом не проникла какая-нибудь любопытная мышь или жадная крыса.

После нескольких неудач слесарь смастерил наконец самый маленький замочек из всех, какие ему когда-либо приходилось делать.

А между тем у себя на родине Гулливер только один раз в жизни видел замок таких размеров. Он висел на воротах одной барской усадьбы, хозяин которой славился своей скупостью.

Ключ от замка Гулливер носил у себя в кармане, потому что Глюмдальклич боялась потерять такую крошечную вещицу. Да и зачем ей был нужен этот ключ? В дверь она всё равно войти не могла, а для того чтобы посмотреть, что делается в домике, или достать оттуда Гулливера, довольно было приподнять крышу.

Королева позаботилась не только о жилище своего Грильдрига, но и о новом платье для него.

Костюм ему сшили из самой тонкой шёлковой материи, какая только нашлась в государстве. И всё же эта материя оказалась толще самых плотных английских одеял и очень беспокоила Гулливера, пока он не привык к ней. Сшит был костюм по местной моде: шаровары вроде персидских, а кафтан вроде китайского. Гулливеру очень понравился этот покрой. Он нашёл его вполне удобным и приличным.

Королева и обе её дочери так полюбили Гулливера, что никогда не садились обедать без него.

На королевский стол возле левого локтя королевы ставили столик и стул для Гулливера. Ухаживала за ним во время обеда его нянюшка — Глюмдальклич. Она наливала ему вино, накладыва-

вала на тарелки кушанья и следила, чтобы кто-нибудь не перевернул и не уронил его вместе со столиком и стулом.

У Гулливера был свой особый серебряный сервиз — тарелки, блюда, супник, соусники и салатники.

Конечно, по сравнению с посудой королевы этот сервиз казался игрушечным, но он был очень хорошо сделан.

После обеда Глюмдальклич сама мыла и чистила тарелки, блюда и миски, а потом прятала всё в серебряную шкатулочку. Эту шкатулочку она всегда носила у себя в кармане.

Королеве было очень забавно смотреть, как ест Гулливер. Часто она сама подкладывала ему на тарелку ломтик говядины или дичи и с улыбкой следила за тем, как он, ловко орудуя ножом и вилкой, управляет с кусочком жаркого, который любой трёхлетний ребёнок проглотил бы за один раз.

Зато Гулливер с невольным страхом наблюдал, как уплетают свой обед королева и обе принцессы.

Королева часто жаловалась на плохой аппетит, но тем не менее она сразу отправляла в рот такой кусок, какого хватило бы на обед целой дюжине английских фермеров. Пока Гулливер не привык, он закрывал глаза, чтобы не видеть, как грызёт королева крылышко рябчика, которое в девять раз больше крыла обыкновенной индейки, и сткусывает кусок хлеба размером в две деревенские ковриги. Она, не отрываясь, выпивала целый кубок, а в этом кубке помещалась добрая бочка вина. Её столовые ножи и вилки были вдвое больше полевой косы. Один раз Глюмдальклич взяла с собой Гулливера в столовую и показала ему разом дюжину ярко начищенных ножей и вилок. Гулливер не мог смотреть на них спокойно. Сверкающие острия лезвий и огромные зубья, длинные, точно копья, привели его в ужас.

Когда королева узнала об этом, она громко рассмеялась и спросила своего Грильдрига, все ли его земляки так боязливы, что не могут видеть без трепета простой столовый нож и готовы удирать от обыкновенной мухи.

Её всегда очень смешило, когда Гулливер в страхе вскакивал с места, оттого что несколько мух, жужжа, подлетало к его столу. Для неё-то эти огромные большеглазые насекомые величиной с дрозда были и вправду не страшнее мухи, а Гулливер не мог и думать о них без отвращения и досады.

Эти назойливые, жадные твари никогда не давали ему спокойно пообедать. Они запускали свои грязные лапы в его тарелку. Они садились к нему на голову и кусали его до крови.

Сначала Гулливер просто не знал, как от них отделаться, и в самом деле готов был бежать куда глаза глядят от надоедливых и дерзких побирушек. Но потом он нашёл способ защиты.

Выходя к обеду, он брал с собой свой морской кортик и, чуть только мухи подлетали к нему, быстро вскакивал с места и — раз! раз! — на лету рассекал их на части.

Когда королева и принцессы увидели его сражение в первый раз, они пришли в такой восторг, что рассказали о нём королю.

И на другой день король нарочно обедал вместе с ними, чтобы только поглядеть, как Грильдриг воюет с мухами.

В этот день Гулливер рассёк своим кортиком несколько больших мух, и король очень хвалил его за храбрость и ловкость.

Но драться с мухами — это ещё было не такое трудное дело.

Как-то раз Гулливеру пришлось выдержать схватку с противником пострашней.

Случилось это в одно прекрасное летнее утро. Глюмдальклич поставила ящик с Гулливером на подоконник, чтобы он мог подышать свежим воздухом. Он никогда не позволял вешать своё жилище за окном на гвозде, как вешают иногда клетки с птицами.

Открыв пошире все окна и двери у себя в домике, Гулливер сел в кресло и стал закусывать. В руках у него был большой кусок сладкого пирога с вареньем. Как вдруг штук двадцать ос влетело в комнату с таким жужжанием, будто разом занграло два десятка боевых шотландских волюнок. Осы очень любят сладкое и, наверное, издавдала почуяли запах варенья.

Отталкивая друг друга, они кинулись на Гулливера, отняли у него пирог и мигом раскрошили на кусочки. Те, кому ничего не досталось, носились над головой Гулливера, оглушая его жужжанием и грозя своими страшными жалами.

Но Гулливер был не робкого десятка.

Он не растерялся, схватил свою шпагу и кинулся на разбойниц. Четырёх он убил, остальные обратились в бегство. После

этого Гулливер захлопнул окна и двери и, передохнув немного, принялся рассматривать трупы своих врагов.

Осы были величиной с крупного тетерева. Жала их, острые, как иголки, оказались длиннее, чем перочинный нож Гулливера. Хорошо, что ему удалось избежать укола этих отравленных ножей!

Осторожно завернув всех четырёх ос в полотенце, Гулливер спрятал их в нижний ящик своего комода.

— Если мне ещё суждено когда-нибудь вернуться на родину, — сказал он себе, — я подарю их той школе, где я учился.

Дни, недели и месяцы в стране великанов были не длиннее и не короче, чем во всех других краях света. И бежали они друг за другом так же быстро, как и всюду.

Понемногу Гулливер привык видеть вокруг себя людей выше деревьев и деревья выше гор.

Как-то раз королева поставила его к себе на ладонь и подошла с ним вместе к большому зеркалу, в котором оба они были видны с головы до пят.

Гулливер невольно засмеялся. Ему вдруг показалось, что королева — самого обыкновенного роста, точь-в-точь такая, как все люди на свете, а вот он, Гулливер, сделался меньше, чем был, по крайней мере в двенадцать раз.

Мало-помалу он перестал удивляться, замечая, что люди прищуривают глаза, чтобы посмотреть на него, и подносят ладонь к уху, чтобы услышать, что он говорит.

Он знал заранее, что чуть ли не всякое его слово покажется великанам смешным и странным, и чем серьёзнее он будет рассуждать, тем громче они будут смеяться. Он уже не обижался на них за это, а только думал с горечью: «Может быть, и мне было бы смешно, если бы канарейка, которая живёт у меня дома в такой хорошенькой золочёной клетке, вздумала произносить речи о науке и политике».

Впрочем, Гулливер не жаловался на свою судьбу. С тех пор как он попал в столицу, ему жилось совсем неплохо. Король и королева очень любили своего Грильдрига, а придворные были с ним весьма любезны.

Придворные всегда бывают любезны с теми, кого любят король и королева.

Один только враг был у Гулливера. И как зорко ни охраняла своего питомца Глюмдальклич, она всё-таки не смогла уберечь его от многих неприятностей.

Этот враг был карлик королевы. До появления Гулливера он считался самым маленьким человеком во всей стране. Его наряжали, возились с ним, прощали ему дерзкие шутки и надоедливые шалости. Но с тех пор как Гулливер поселился в покоях королевы, и она сама и все придворные перестали даже замечать карлика.

Он ходил по дворцу хмурый, злой и сердился на всех, а больше всего, конечно, на самого Гулливера.

Он не мог равнодушно видеть, как игрушечный человечек стоит на столе и в ожидании королевы запросто беседует с придворными.

Нагло ухмыляясь и гримасничая, карлик начинал подтрунивать над новым королевским любимчиком. Но Гулливер не обращал на это внимания и на каждую шутку отвечал двумя, ещё более острыми.

Тогда карлик стал придумывать, как бы иначе досадить Гулливеру.

И вот однажды за обедом, дождавшись минуты, когда Глюмдальклич пошла за чем-то в другой конец комнаты, он взобрался на подлокотник кресла королевы, схватил Гулливера, который, не подозревая опасности, спокойно сидел за своим столиком, и с размаху бросил его в серебряную чашку со сливками.

Гулливер камнем пошёл ко дну, а злой карлик опрометью выбежал из комнаты и забился в какой-то тёмный угол.

Королева до того перепугалась, что ей даже в голову не пришло протянуть Гулливеру кончик мизинца или чайную ложку. Бедный Гулливер барахтался в белых густых волнах и уже, наверное, проглотил целый ушат холодных, как лёд, сливок, когда наконец подбежала Глюмдальклич. Она выхватила его из чашки и завернула в салфетку.

Гулливер быстро согрелся, и неожиданная ванна не причинила ему большого вреда.

Он отделался лёгким насморком, но с этих пор не мог без обращения даже смотреть на сливки.

Королева сильно разгневалась и приказала строго наказать своего прежнего любимца.

Карлика больно высекли и заставили выпить чашку сливок, в которых выкупался Гулливер.

После этого карлик две недели вёл себя примерно: оставил Гулливера в покое и приветливо улыбался ему, когда проходил мимо.

Все — даже осторожная Глюмдальклич и сам Гулливер — перестали опасаться его.

Но оказалось, что карлик только ждал удобного случая, чтобы за всё рассчитаться со своим счастливым соперником.

Этот случай, как и в первый раз, представился ему за обедом.

Королева положила себе на тарелку мозговую кость, достала из нее мозг и отодвинула тарелку в сторону.

В это время Глюмдальклич пошла к буфету, чтобы налить Гулливеру вина. Карлик подкрался к столу и, прежде чем Гулливер успел опомниться, засунул его чуть ли не по самые плечи в пустую кость.

Хорошо ещё, что кость успела остыть. Гулливер не обжёгся. Но от обиды и неожиданности он чуть не заплакал.

Обиднее всего было то, что королева и принцессы даже не заметили его исчезновения и продолжали преспокойно болтать со своими придворными дамами.

А звать их на помощь и просить, чтобы его вытащили из го-
вяжьей кости, Гулливеру не хотелось. Он решил молчать, чего бы
это ему ни стоило.

«Только бы кость не отдали собакам! — думал он.

Но, на его счастье, к столу вернулась Глюмдальклич с кув-
шином вина.

Она сразу же увидела, что Гулливера нет на месте, и кинулась
искать его.

Что за переполох поднялся в королевской столовой! Короле-
ва, принцессы и придворные дамы принялись поднимать и перетря-
хивать салфетки, заглядывать в миски, стаканы и соусники.

Но всё было напрасно: Грильдриг пропал без следа.

Королева была в отчаянии. Она не знала, на кого ей сердиться,
и от этого сердилась ещё больше.

Неизвестно, чем бы окончилась вся эта история, если бы младшая принцесса не заметила головы Гулливера, торчащей из кости, словно из дупла большого дерева.

— Вот он! Вот он! — закричала она, и через минуту Гулливер был на свободе.

Королева сразу догадалась, кто был виновником этой злой проделки.

Карлика опять высекли, а Гулливера нянюшка унесла отмыкать и переодевать.

После этого карлику запретили появляться в королевской столовой, и Гулливер долго не видел своего врага — до тех самых пор, пока не встретился с ним в саду.

Случилось это так. В один жаркий летний день Глюмдальклич вынесла Гулливера в сад и пустила его погулять в тени.

Он пошёл по дорожке, вдоль которой росли его любимые карликовые яблони.

Деревца эти были такие маленькие, что, закинув голову, Гулливер мог без труда разглядеть их верхушки. А яблоки на них росли, как это часто бывает, ещё крупнее, чем на больших деревьях.

Внезапно из-за поворота прямо навстречу Гулливеру вышел карлик.

Гулливер не удержался и сказал, насмешливо улыбнувшись:

— Что за чудо! Карлик — среди карликовых деревьев. Это не каждый день увидишь.

Карлик ничего не ответил, только злобно поглядел на Гулливера. И Гулливер пошёл дальше. Но не успел он отойти и трёх шагов, как одна из яблонь затряслась, и множество яблок, с пивной бочонок каждое, с гулким шумом посыпалось на Гулливера.

Одно из них ударило его по спине, сбilo с ног, и он плашмя растянулся на траве, закрывая голову руками. А карлик с громким смехом убежал в глубь сада.

Жалобный крик Гулливера и злорадный хохот карлика услышала Глюмдальклич.

Она в ужасе кинулась к Гулливеру, подняла его и унесла домой.

На этот раз Гулливеру несколько дней пришлось пролежать в постели, так сильно ушибли его тяжёлые яблоки, которые росли на карликовых яблонях в стране великанов.

Когда же он, наконец, встал на ноги, оказалось, что карлика больше нет во дворце.

Глюмдальклич доложила обо всём королеве, а королева так рассердилась на него, что не захотела больше видеть и подарила его одной знатной даме.

9

Король и королева часто путешествовали по своей стране, и Гулливер обычно сопровождал их.

Во время этих путешествий он понял, почему никто никогда не слышал о государстве Бробдингнег.

Страна великанов расположена на огромном полуострове, отделённом от большой земли цепью гор. Горы эти такие высокие, что перебраться через них совершенно немыслимо. Они отвесны, обрывисты, и среди них много действующих вулканов. Потоки огненной лавы и тучи пепла преграждают путь к этому исполинскому горному хребту. С остальных трёх сторон полуостров окружён океаном. Но берега полуострова так густо усеяны острыми скалами и море в этих местах такое бурное, что пристать к берегам Бробдингнега не смог бы даже самый опытный моряк.

Только по какой-то счастливой случайности кораблю, на котором плыл Гулливер, удалось подойти к этим неприступным скалам.

Обычно даже щепки от разбитых кораблей не доплывают до неприступных, пустынных берегов.

Рыбаки не строят здесь своих хижин и не развешивают сетей. Морскую рыбу, даже самую крупную, они считают мелкой и костлявой. И неудивительно! Морская рыба заходит сюда издалека — из мест, где все живые существа гораздо меньше, чем в Бробдингнеге. Зато в местных реках попадаются форели и окуни, величиной с большую акулу.

Впрочем, когда морские бури прибывают к прибрежным скалам китов, рыбаки иногда ловят их в свои сети.

Гулливеру как-то раз случилось увидеть довольно крупного кита на плече у одного молодого рыбака.

Этого кита купили потом для королевского стола, и он был подан на большом блюде с подливкой из разных приностей.

Китовое мясо считается в Бробдингнее редкостью, но оно не понравилось ни королю, ни королеве. Они нашли, что речная рыба гораздо вкуснее и жирнее.

За лето Гулливер изъездил страну великанов вдоль и поперёк. Чтобы ему было удобнее путешествовать и чтобы Глюмдальклич не уставала от большого тяжёлого ящика, королева заказала для своего Грильдрига дорожный кабинет.

Это был квадратный ящикек всего в двенадцать шагов длины и ширины. В трёх стенках его проделали по окошку и затянули их лёгкой решёткой из проволоки. К четвертой, глухой стене были приделаны две прочные пряжки.

Если Гулливеру хотелось ехать на лошади, а не в карете, верховой ставил ящик к себе на колени, на подушку, просовывал в эти пряжки широкий кожаный ремень и пристёгивал к своему поясу.

Гулливер мог переходить от окошка к окошку и с трёх сторон осматривать окрестности.

В ящике была походная постель — гамак, подвешенный к потолку, — два стула и комод. Все эти вещи были крепко привинчены к полу, для того чтобы они не падали и не опрокидывались от дорожной тряски.

Когда Гулливер и Глюмдальклич отправлялись в город за покупками или просто так, погулять, Гулливер входил в свой дорожный кабинет, а Глюмдальклич садилась в открытые носилки и ставила ящикек с Гулливером к себе на колени.

Четыре носильщика неторопливо несли их по улицам Лорбрульгруда, а вслед за носилками шла целая толпа народа. Всем хотелось бесплатно посмотреть на королевского Грильдрига.

Время от времени Глюмдальклич приказывала носильщикам остановиться, доставала Гулливера из ящика и ставила его себе на ладонь, чтобы любопытным было удобнее его рассматривать.

Когда шёл дождь, Глюмдальклич и Гулливер выезжали по делам и на прогулку в карете. Карета была величиной с шестизэтажный дом, поставленный на колёса. Но это была самая маленькая из всех карет её величества. Остальные были гораздо больше.

Гулливер, который всегда был очень любознателен, с интересом осматривал различные достопримечательности Лорбрульгруда.

Где только он не побывал! И в главном храме, которым так гордятся бробдинггежцы, и на большой площади, где устраиваются военные парады, и даже в здании королевской кухни...

Вернувшись домой, он сейчас же раскрывал свой дорожный журнал и вкратце записывал впечатления.

Вот что написал он после возвращения из храма:

«Здание, действительно, великолепное, хоть колокольня его вовсе не так уж высока, как говорят здешние жители. В ней нет и голной версты. Стены сложены из тёсанных камней какой-то местной породы. Они очень толстые и прочные. Если судить по глубине бокового входа, толщина их равняется сорока восьми шагам. В глубоких нишах стоят прекрасные мраморные статуи. Они выше живых бробдинггежцев по крайней мере в полтора раза. Мне удалось разыскать в куче мусора отломанный мизинец одной статуи. По моей просьбе, Гломдальклич поставила его стоймя рядом со мной, и оказалось, что он доходит мне до уха. Гломдальклич завернула этот обломок в платок и принесла домой. Я хочу присоединить его к другим безделушкам моей коллекции».

После парада бробдинггежских войск Гулливер написал:

«Говорят, на поле было не больше двадцати тысяч пехотинцев и шести тысяч кавалеристов, но я ни за что не мог бы сосчитать их, такое огромное пространство занимала эта армия. Мне пришлось смотреть парад издалика, так как иначе я бы ничего не увидел, кроме ног.

Это было очень величественное зрелище. Мне казалось, что каски всадников касаются своими остриями облаков. Земля гудела под копытами коней. Я видел, как все кавалеристы по команде обнажили сабли и взмахнули ими в воздухе. Кто не бывал в Бробдингге, пусть даже не пытается вообразить себе эту картину. Шесть тысяч молний разом вспыхнули со всех сторон небесного свода. Куда бы ни занесла меня судьба, я не забуду этого».

О королевской кухне Гулливер написал в своём журнале всего несколько строк:

«Я не знаю, как изобразить словами эту кухню. Если я самым правдивым и честным образом буду описывать все эти котлы, горшки, сковородки, если я попробую рассказать, как повара поджаривают на вертеле поросят величиной с индийского слона и оленей, рога которых похожи на большие ветвистые деревья, мои

соотечественники мне, пожалуй, не поверят и скажут, что я преувеличиваю, по обычаю всех путешественников.

А если я из осторожности что-нибудь преуменьшу, все бродягинежцы, начиная от короля и кончая последним поварёнком, обидятся на меня.

Поэтому я предпочитаю промолчать».

10

Иногда Гулливеру хотелось побыть одному. Тогда Глюмдальклич выносила его в сад и пускала побродить среди колокольчиков и тюльпанов.

Гулливер любил такие одинокие прогулки, но часто они кончались большими неприятностями.

Один раз Глюмдальклич, по просьбе Гулливера, оставила его одного на зелёной лужайке, а сама вместе со своей учительницей пошла в глубь сада.

Неожиданно надвинулась туча, и сильный частый град посыпался на землю.

Первый же порыв ветра сбил Гулливера с ног. Градины, крупные, как теннисные мячи, хлестали его по всему телу. Кое-как на четвереньках ему удалось добраться до грядки с тмином. Там он уткнулся лицом в землю и, накрывшись каким-то листком, переждал непогоду. Когда буря утихла, Гулливер измерил и взвесил несколько градин и убедился, что они в тысячу восемьсот раз больше и тяжелее тех, которые ему приходилось видеть в других странах.

Эти градины так больно исколотили Гулливера, что он был весь в синяках и должен был десять дней отлёживаться у себя в ящике.

В другой раз с ним случилось приключение более опасное.

Он лежал на лужайке под кустом маргариток и, занятый какими-то размышлениями, не заметил, что к нему подбежала собака одного из садовников — молодой, резвый сеттер.

Не успел Гулливер и крикнуть, как собака схватила его зубами, опрометью побежала в другой конец сада и положила у ног своего хозяина, радостно виляя хвостом.

Хорошо ещё, что собака умела носить поноску. Она умудрилась принести Гулливера так осторожно, что даже не прокусила на нём платье.

Однако же бедный садовник, увидя Гулливера в зубах у своей собаки, перепугался до смерти. Он бережно поднял Гулливера обеими руками и стал расспрашивать, как он себя чувствует.

Но от потрясения и страха Гулливер не мог выговорить ни слова.

Только через несколько минут он пришёл в себя, и тогда садовник отнёс его обратно на лужайку.

Глюмдальклич уже была там.

Бледная, вся в слезах, она металась по саду и звала Гулливера. Садовник с поклоном вручил ей господина Грильдрига.

Девочка внимательно осмотрела своего питомца, увидела, что он цел и невредим, и с облегчением перевела дух.

Утирая слёзы, она стала укорять садовника за то, что тот впустил в дворцовый сад собаку. А садовник и сам был этому не рад. Он божился и клялся, что больше никогда не подпустит даже к решётке сада ни одной собаки — ни своей, ни чужой, — пусть только госпожа Глюмдальклич и господин Грильдриг не говорят об этом случае её величеству.

В конце концов на том и порешили.

Глюмдальклич согласилась молчать, так как боялась, что королева на неё рассердится, а Гулливеру совсем не хотелось, чтобы придворные смеялись над ним и рассказывали друг другу, как чей-то весёлый щенок таскал его в зубах, точно жалкого мышонка.

После этого случая Глюмдальклич твёрдо решила ни на минуту не отпускать от себя Гулливера.

Гулливер давно уже опасался такого решения и поэтому скрывал от своей нянюшки разные мелкие приключения, которые то и дело случались с ним, когда её не было поблизости.

Один раз коршун, паривший над садом, камнем упал прямо на него. Но Гулливер не растерялся, выхватил из ножен свою шпагу и, обороняясь ею, бросился в заросли кустов.

Если бы не этот ловкий манёвр, коршун наверно унёс бы его в своих когтях.

В другой раз во время прогулки Гулливер взобрался на вершину какого-то холмика и вдруг по шею провалился в нору, вырытую кротом.

Трудно даже рассказать, чего ему стоило выбраться оттуда, но он всё-таки выбрался сам, без посторонней помощи, и ни одним словом ни одной живой душе не обмолвился об этом происшествии.

В третий раз он вернулся к Глюмдальклич хромая и сказал ей, что слегка подвернул ногу. На самом деле, гуляя в одиночестве и вспоминая свою милую Англию, он нечаянно наткнулся на раковину улитки и чуть не сломал себе ступню.

Странное чувство испытывал Гулливер во время своих одиноких прогулок: ему было и хорошо, и жутко, и грустно.

Даже самые маленькие птички несколько не боялись его.

Они спокойно занимались своими делами — прыгали, сутились, отыскивали червяков и букашек, как будто Гулливера вовсе и не было возле них.

Однажды какой-то смелый дрозд, задорно чирикнув, подскокил к бедному Грильдригу и клювом выхватил у него из рук кусок пирога, который Глюмдальклич дала ему на завтрак.

Если Гулливер пытался поймать какую-нибудь птицу, она преспокойно поворачивалась к нему и норовила клюнуть прямо в голову или в протянутые руки. Гулливер невольно отскакивал.

Но как-то раз он всё-таки изловчился и, взяв толстую дубинку, так метко запустил ею в какую-то неповоротливую коноплянку, что та повалилась замертво.

Тогда Гулливер схватил её обеими руками за шею и с торжеством потащил к нянюшке, чтобы поскорей показать ей свою добычу.

И вдруг птица ожила.

Оказалось, что она вовсе не была убита, а только оглушена сильным ударом палки.

Коноплянка начала кричать и вырываться. Она била Гулливера крыльями по голове, по плечам, по рукам. Ударить его клювом ей на удавалось, потому что Гулливер держал её вытянутыми руками.

Он уже чувствовал, что руки его слабеют и коноплянка вот-вот вырвется и улетит.

Но тут на выручку подоспел один из королевских слуг. Он свернул разъярённой коноплянке голову и отнёс охотника вместе с добычей к госпоже Глюмдальклич.

На следующий день по приказанию королевы коноплянку зажали и подали Гулливеру на обед.

Птица была немного крупнее лебедя, и мясо её оказалось жестковато.

11

Гулливер часто рассказывал королеве о своих прежних морских путешествиях.

Королева слушала его очень внимательно и однажды спросила, умеет ли он обращаться с парусами и вёслами.

— Я корабельный врач,— ответил Гулливер,— и всю свою жизнь провёл на море. С парусом я управляюсь не хуже настоящего матроса.

— А не хочешь ли ты, мой милый Грильдриг, покататься на лодке? Я думаю, что это было бы очень полезно для твоего здоровья,— сказала королева.

Гулливер только усмехнулся. Самые маленькие лодочки в Бробдинггеге были больше и тяжелее первоклассных военных кораблей его родной Англии. Нечего было и думать справиться с такой лодкой.

— А если я закажу для тебя игрушечный кораблик? — спросила королева.

— Боюсь, ваше величество, что его ждёт судьба всех игрушечных корабликов: морские волны перевернут и унесут его, как ореховую скорлупку!

— Я закажу для тебя и кораблик и море, — сказала королева.

Через десять дней игрушечных дел мастер изготовил по рисунку и указаниям Гулливера красивую и прочную лодочку со всеми снастями.

В этой лодочке могло бы поместиться восемь гребцов обыкновенной человеческой породы.

Чтобы испытать эту игрушечную лодочку, её сначала пустили в лохань с водой, но в лохани было так тесно, что Гулливер едва мог пошевелить веслом.

— Не горюй, Грильдриг,— сказала королева,— скоро будет готово твоё море.

И в самом деле, через несколько дней море было готово.

По приказу королевы, плотник смастерил большое деревянное корыто длиною в триста шагов, шириной в пятьдесят и глубиною больше чем в сажень.

Корыто хорошо просмолили и поставили в одной из комнат дворца. Каждые два-три дня воду из него выливали, и двое слуг в каких-нибудь полчаса наполняли корыто свежей водой.

По этому игрушечному морю Гулливер часто катался на своей лодке.

Королева и принцессы очень любили смотреть, как ловко он орудует вёслами.

Иногда Гулливер ставил парус, а придворные дамы с помощью своих вееров то нагоняли попутный ветер, то поднимали целую бурю.

Когда они уставали, на парус дули пажи, и часто Гулливеру бывало совсем не легко справиться с таким сильным ветром.

После катанья Глюмдальклич уносила лодку к себе в комнату и вешала на гвоздь для просушки.

Однажды Гулливер чуть не утонул в своём корыте. Вот как это произошло.

Старая придворная дама, учительница Глюмдальклич, взяла Гулливера двумя пальцами и хотела посадить в лодку.

Но в эту минуту кто-то окликнул её. Она обернулась, чуть разжала пальцы, и Гулливер выскользнул у неё из руки.

Он бы непременно утонул или разбился, рухнув с шестисаженой высоты на край корыта или на деревянные мостки, но, к счастью, зацепился рубашкой за булавку, торчавшую из кружевной косынки старой дамы. Он повис в воздухе, замирая от ужаса и стараясь не шевелиться, чтобы не сорваться с булавки.

А старая дама растерянно глядела вокруг и никак не могла понять, куда же девался Гулливер.

Тут подбежала проворная Глюмдальклич и осторожно отцепила Гулливера от булавки.

В этот день прогулка на лодке так и не состоялась. Гулливер чувствовал себя нехорошо, и ему не хотелось кататься.

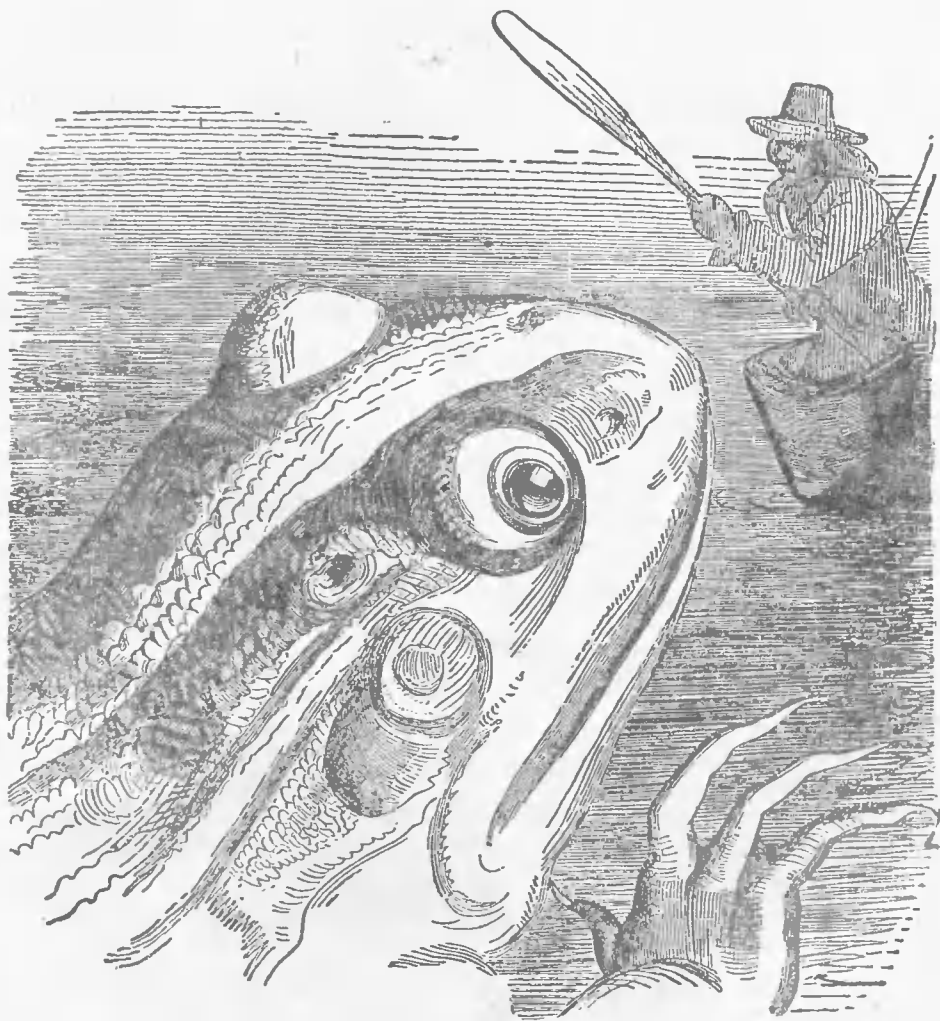
В другой раз ему пришлось выдержать во время прогулки настоящий морской бой.

Слуга, которому поручено было менять в корыте воду, как-то недоглядел и принёс в ведре большую зелёную лягушку. Он перевернул ведро над корытом, выплеснул воду вместе с лягушкой и ушёл.

Лягушка притаилась на дне, и, пока лодку спускали на воду, тихонько сидела в углу. Но чуть только Гулливер отчалил от берега, она одним прыжком вскочила в лодку. Лодка так сильно накренилась на одну сторону, что Гулливер должен был всей тяжестью навалиться на другой борт, чтобы не дать ей опрокинуться.

Он налёг на вёсла, чтобы скорей причалить к пристани, но лягушка, словно нарочно, мешала ему. Напуганная суетой, которая поднялась вокруг, она стала метаться в лодке — с носа на корму, с правого борта на левый.

При каждом её прыжке Гулливера так и обдавало целыми потоками воды. Лодка плясала, кренилась и всякую минуту грозила перевернуться. Да и немудрено: ростом эта лягушка была с хорошую породистую корову.

Глюмдальклич, как всегда, кинулась на помощь своему питомцу. Но Гулливер попросил её не беспокоиться. Он смело шагнул к лягушке и ударил её веслом.

После нескольких хороших тумачов лягушка сначала отступила на корму, а потом и вовсе выскочила из лодки.

Был жаркий летний день. Глюмдальклич ушла куда-то в гости, и Гулливер остался один.

Уходя, нянюшка заперла дверь комнаты на ключ, чтобы никто не потревожил Гулливера.

Погода была прекрасная. Гулливер широко распахнул у себя в домике окна и двери, уселся поудобнее в кресло, раскрыл свой путевой журнал и взялся за перо. В запертой комнате Гулливер чувствовал себя в полной безопасности.

Вдруг он ясно услышал, что кто-то спрыгнул с подоконника на пол и шумно пробежал, или, вернее, проскакал, по комнате Глюмдальклич.

Сердце у Гулливера забилося.

«Тот, кто проникает в комнату не через дверь, а через окно, приходит не в гости», — подумал он.

И, осторожно приподнявшись с места, он выглянул в окошко своей спальни.

Нет, это был не вор и не разбойник.

Это была всего-навсего ручная обезьянка, любимица всех дворцовых поварят.

Гулливер успокоился и, улыбаясь, принялся наблюдать за её смешными прыжками.

Обезьяна перескочила с кресла Глюмдальклич на другое кресло, посидела немного на верхней полке шкафа, а потом спрыгнула на стол, где стоял домик Гулливера.

Тут уж Гулливер опять испугался, на этот раз ещё сильнее прежнего.

Он почувствовал, как дом его приподнялся и стал боком. Кресла, стол и комод с грохотом покатались по полу.

Этот грохот, видимо, очень понравился обезьяне. Она ещё и ещё раз потрясла домик, а потом с любопытством заглянула в окошко.

Гулливер забился в самый дальний угол и старался не шевелиться.

«Ах, зачем я не спрятался во-время под кровать! — твердил он про себя. — Под кроватью она бы меня не заметила. А теперь уж поздно. Если я попробую перебежать с места на место или даже переползти, она увидит меня».

И он прижался к стенке так плотно, как только мог.

Но обезьяна всё-таки увидела его.

Весело оскалив зубы, она просунула в двери домика лапу и хотела схватить Гулливера.

Он кинулся в другой угол и забился между кроватью и шкафом. Но и тут страшная лапа настигла его.

Он попробовал вывернуться, ускользнуть, но не смог.

Цепко ухватив Гулливера за полу кафтана, обезьяна вытащила его наружу.

От ужаса он не мог даже кричать.

А между тем обезьяна преспокойно взяла его на руки, как нянька берёт младенца, и стала покачивать и гладить лапой по лицу.

Должно быть, она приняла его за детёныша обезьяньей породы.

В эту самую минуту дверь отворилась, и на пороге комнаты появилась Глюмдальклич.

Обезьяна услышала стук. Одним прыжком она вскочила на подоконник, с подоконника на карниз, а с карниза по водосточной трубе полезла на крышу.

Она карабкалась на трёх лапах, а в четвёртой держала Гулливера.

Глюмдальклич отчаянно закричала.

Гулливер услышал её испуганный крик, но ответить ей не мог: обезьяна сдавила его так, что он еле дышал.

Через несколько минут весь дворец был на ногах. Слуги побежали за лестницами и верёвками. Целая толпа теснилась во дворе. Люди стояли, задрав головы и показывая вверх пальцами.

А там, наверху, на самом гребне крыши, сидела обезьяна. Одной лапой она придерживала Гулливера, а другой набивала ему рот всякой дрянью, которую вытаскивала у себя изо рта. Обезьяны всегда оставляют в защёчных мешках запас полупрожёванной пищи.

Если Гулливер пытался отвернуться или стиснуть зубы, она награждала его такими шлепками, что ему поневоле приходилось покоряться.

Слуги внизу покатывались от хохота, а у Гулливера сжималось сердце.

«Вот она, последняя минута!» — думал он.

Кто-то снизу бросил в обезьяну камнем. Этот камень просвистел над самой головой Гулливера.

За первым камнем полетел второй, третий... Хорошо, что офицер дворцовой стражи, опасаясь, как бы люди не убили вместе с обезьяной и королевского Грильдрига, строго запретил бросать в неё камни.

Наконец несколько лестниц было приставлено к стенам здания с разных сторон. Два королевских пажа и четверо слуг стали подыматься наверх.

Обезьяна быстро поняла, что её окружают и что на трёх лапах ей далеко не уйти.

Она бросила Гулливера на крышу, в несколько прыжков добралась до соседнего здания и скрылась в слуховом окошке.

А Гулливер остался лежать на скользкой крыше, с минуты на минуту ожидая, что ветер снесёт его вниз, как песчинку.

Но в это время один из пажей успел перебраться с верхней ступеньки лестницы на крышу. Он разыскал Гулливера, сунул к себе в карман и благополучно доставил вниз.

Глюмдальклич была вне себя от радости. Она схватила своего Грильдрига и понесла домой.

А Гулливер лежал у неё на ладони, как мышонок, замученный кошкой. Дышать ему было нечем: он задышался от противной жвачки, которой обезьяна набила ему рот.

Глюмдальклич поняла в чём дело. Она взяла самую тоненькую иголочку и осторожно, кончиком, выгребла у Гулливера изо рта всё, что засунула туда обезьяна.

Гулливеру сразу стало легче. Но он был так напуган, так сильно помят обезьяньими лапами, что целых две недели пролежал в кровати.

Король и придворные каждый день присылали узнавать, поправляется ли бедный Грильдриг, а королева сама приходила навещать его.

Она запретила всем придворным без исключения держать во дворце животных. А ту обезьяну, которая чуть не убила Гулливера, приказала убить.

Когда Гулливер встал, наконец, с постели, король велел позвать его к себе и, смеясь, задал ему три вопроса.

Ему было очень любопытно узнать, как чувствовал себя Гулливер в лапах у обезьяны, пришлось ли ему по вкусу её угощение, и что бы он стал делать, если бы такое происшествие случилось у него на родине, где некому было бы сунуть его в карман и доставить на землю.

Гулливер ответил королю только на последний вопрос.

Он сказал, что у него на родине обезьяны не водятся. Их при-

возят иногда из жарких стран и держат в клетках. Если же какой-нибудь обезьяне удалось бы вырваться из неволи и она посмела бы наброситься на него, он без труда справился бы с ней. Да и не с одной обезьяной, а с целой дюжиной обезьян обыкновенного роста. Он уверен, что и эту огромную обезьяну он сумел бы одолеть, если бы в минуту нападения в руках у него оказалась шпага, а не перо. Достаточно было проколоть чудовищу лапу, чтобы навсегда отбить у него охоту нападать на людей.

Всю эту речь Гулливер произнёс твёрдо и громко, высоко подняв голову и положив руку на рукоятку шпаги.

Он очень не хотел, чтобы кто-нибудь из придворных заподозрил его в трусости.

Но придворные ответили на его речь таким дружным и весёлым хохотом, что Гулливер невольно замолчал.

Он обвёл глазами своих слушателей и с горечью подумал, как трудно человеку добиться уважения со стороны тех, кто неизмеримо выше его.

Эта мысль не раз приходила в голову Гулливеру и позже, в другие времена, когда ему случалось бывать среди высоких особ — королей, герцогов, вельмож, — хоть часто эти высокие особы были ниже его на целую голову.

13

Жители Бробдингнега считают себя красивым народом. Может быть, это и в самом деле так, но Гулливер смотрел на них как будто сквозь увеличительное стекло, и потому они ему не очень нравились.

Их кожа казалась ему слишком толстой и шершавой — он замечал каждый волосок на ней, каждую веснушку. Да и мудрено было не заметить, когда эта веснушка была величиной с блюдечко, а волоски торчали, как острые шипы или как зубья гребёнки. Это навело Гулливера на неожиданную и забавную мысль.

Как-то раз утром он был у короля. Короля в это время брил придворный цирюльник.

Беседуя с его величеством, Гулливер невольно посматривал на мыльную пену, в которой чернели толстые, похожие на кусочки железной проволоки волоски.

Когда брадобрей окончил своё дело, Гулливер попросил у него чашку с мыльной пеной. Цирюльник очень удивился такой просьбе, но исполнил её.

Гулливер тщательно выбрал из белых хлопьев сорок самых толстых волосков и положил на окошко сушить.

Потом он раздобыл гладкую щепочку и выстругал из неё спинку для гребешка.

С помощью самой тонкой иголки из игольника Глюмдальклич он осторожно просверлил в деревянной спинке на равных расстояниях друг от друга сорок узких отверстий и в эти отверстия вставил волоски. Затем подрезал их, чтобы они были совершенно ровные, и заострил ножиком их концы.

Получился прекрасный прочный гребень, и Гулливер был очень рад. Чуть ли не все зубцы на его прежнем гребешке поломались, и он положительно не знал, где ему достать новый. В Бробдингеге не было ни одного мастера, который сумел бы изготовить такую крошечную вещицу.

Все любовались новым гребнем Гулливера, и ему захотелось сделать ещё какую-нибудь безделушку.

Он попросил служанку королевы сберечь для него волосы, выпавшие из косы её величества.

Когда их собралось порядочно, он поручил тому самому столяру, который сделал для него комод и кресла, выточить два лёгких деревянных стула.

Предупредив столяра, что спинку и сиденье он изготовит сам из другого материала, Гулливер велел мастеру просверлить в стульях вокруг сиденья и спинки маленькие частые отверстия.

Столяр исполнил всё, что ему было приказано, и Гулливер приступил к работе. Он выбрал из своего запаса самые крепкие волосы и, обдумав заранее узор, вплёл их в те отверстия, которые были для этого проделаны.

Получились прекрасные плетёные стулья в английском вкусе, и Гулливер торжественно поднёс их королеве.

Королева была в восторге от подарка. Она поставила стулья на своём любимом столике в гостиной и показывала их всем, кто к ней приходил.

Она хотела, чтобы Гулливер во время приёмов сидел именно

на таком стуле, но Гулливер решительно отказался сидеть на волосах своей повелительницы.

После окончания этой работы у Гулливера осталось ещё много волос королевы, и, с разрешения её величества, он сплёл из них для Глюмдальклич изящный кошелёк. Кошелёк был только немногим больше тех мешков, в которых у нас возят на мельницу рожь, и не годился для крупных, тяжёлых бробдингнжских монет. Но зато он был очень красив — весь узорный, с золотым вензелем королевы на одной стороне и серебряным вензелем Глюмдальклич — на другой.

Король и королева очень любили музыку, и во дворце у них часто устраивались концерты.

Гулливера тоже приглашали иногда на музыкальные вечера.

В таких случаях Глюмдальклич приносила его вместе с ящиком и ставила на какой-нибудь из столиков подальше от музыкантов.

Гулливер плотно затворял все двери и окна у себя в ящике, задёргивал портьеры и гардины, зажимал пальцами уши и садился в кресло слушать музыку.

Без этих предосторожностей музыка великанов казалась ему нестерпимым оглушительным шумом.

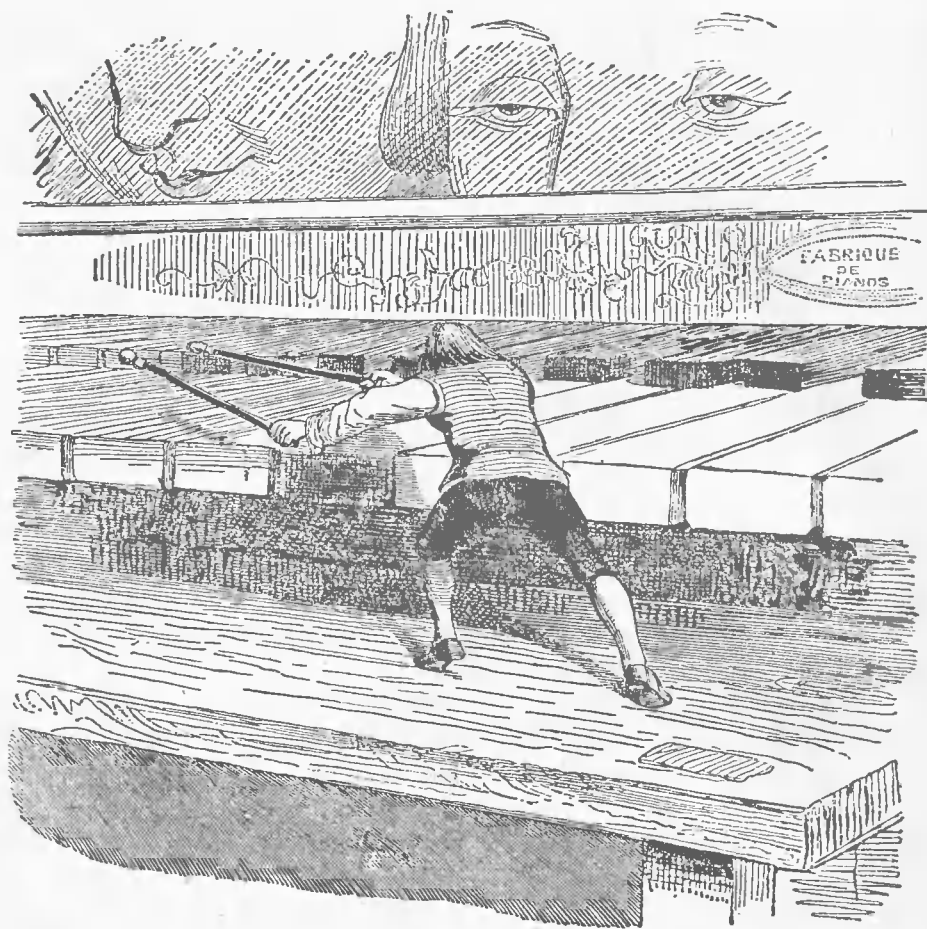
Гораздо приятнее были ему звуки небольшого инструмента, похожего на клавикорды. Этот инструмент стоял в комнате у Глюмдальклич, и она училась играть на нём.

Гулливер и сам недурно играл на клавикордах, и вот ему захотелось познакомить короля и королеву с английскими песнями.

Это оказалось нелёгким делом.

Длина инструмента равнялась шестидесяти шагам, а каждая клавиша была шириной чуть ли не в целый шаг. Стоя на одном месте, Гулливер не мог бы играть больше чем на четырёх клавишах: до других ему было не дотянуться. Поэтому он должен был бегать справа налево и слева направо — от басов к дискантам и обратно. А так как инструмент был не только длинный, но и высокий, то бегать ему приходилось не по полу, а по скамейке, которую специально для него приготовили стояры и которая была точно такой же длины, как инструмент.

Бегать вдоль клавикордов взад и вперёд было очень утомительно, но ещё труднее было нажимать тугие клавиши, рассчитанные на пальцы великанов.

Сначала Гулливер пробовал ударять по клавишам кулаком, но это было так больно, что он попросил изготовить для него две дубинки. С одного конца эти дубинки были толще, чем с другого, а для того, чтобы при ударе они не слишком стучали по клавишам, Гулливер обтянул их толстые концы мышиной кожей.

Когда все эти приготовления были закончены, король и королева пришли послушать Гулливера.

Обливаясь потом, бедный музыкант бегал от одного конца клавикордов до другого, ударяя изо всех сил по клавишам, которые были ему нужны.

В конце концов ему удалось довольно бегло сыграть весёлую английскую песенку, которую он помнил с детства.

Король и королева ушли очень довольные, а Гулливер долго не мог прийти в себя,— после такого музыкального упражнения у него болели и руки, и ноги.

14

Гулливер читал книгу, взятую из королевской библиотеки. Он не сидел за столом и не стоял перед конторкой, как это делают другие люди во время чтения, а спускался и поднимался по особой приставной лестнице, которая вела от верхней строчки к нижней.

Без этой лестницы, специально изготовленной для него, Гулливер не мог бы читать огромные бробдингневские книги.

Лестница была не очень высокая — всего двадцать пять ступенек, а каждая ступенька по длине равнялась строчке книги.

Переходя от строчки к строчке, Гулливер спускался всё ниже и ниже, а последние слова на странице он дочитывал уже стоя на полу.

Перевоорачивать страницы ему было нетрудно, так как бробдингневская бумага славится своей тонкостью. Она и в самом деле не толще обыкновенного картона.

Гулливер читал рассуждения одного местного писателя о том, как измечдали за последнее время его соотечественники.

Писатель рассказывал о могучих великанах, некогда населявших его страну, и горько жаловался на болезни и опасности, которые на каждом шагу подстерегают слабых, низкорослых и хрупких бробдингнежцев.

Читая эти рассуждения, Гулливер вспомнил, что и у себя на родине он читал немало книжек в таком же роде, и, улыбаясь, подумал:

«И большие и маленькие люди непрочь пожаловаться на свою слабость и хрупкость. А говоря по правде, и те и другие не так уж беспомощны, как им кажется».

И, перевернув последнюю страницу, он спустился с лестницы.
В это время в комнату вошла Глюмдальклич.

— Нам надо собираться, Грильдриг, — сказала она. — Король
и королева едут на морское побережье и берут нас с собой.

На морское побережье! Сердце у Гулливера радостно забилося. Больше двух лет он не видел моря, не слышал глухого рокота волн и весёлого свиста морского ветра. Но по ночам ему часто снился этот мерный знакомый шум, и утром он просыпался печальный и встревоженный.

Он знал, что ехать из страны великанов можно только по морю.

Гулливеру хорошо жилось при дворе бробдингнежского короля. Король и королева любили его, Глюмдальклич ухаживала за ним, как самая заботливая нянюшка, придворные улыбались ему и непрочь были с ним поболтать.

Но Гулливер так устал опасаться всего на свете — защищаться от мухи, убегать от кошки, захлёбываться в чашке воды!

Он только и мечтал о том, чтобы опять жить среди людей, самых обыкновенных людей, такого же роста, как он.

Нелегко постоянно находиться в обществе, где все на тебя смотрят свысока.

Какое-то неясное предчувствие заставило Гулливера на этот раз особенно тщательно уложить свои вещи. Он захватил с собой в дорогу не только платье, бельё и свой путевой дневник, но даже коллекцию редкостей, собранных им в Бробдингнеге.

На следующее утро королевская семья со свитой и слугами отправилась в путь.

Гулливер прекрасно чувствовал себя в своём дорожном ящике. Гамак, заменявший ему постель, был подвешен на шёлковых верёвках к четырём углам потолка. Он плавно покачивался даже тогда, когда верховой, к поясу которого был пристёгнут ящик Гулливера, ехал самой крупной и тряской рысью.

В крышке ящика, над самым гамаком, Гулливер попросил проделать маленькое окошечко, в ладонь шириной, которое он мог сам открывать и закрывать, когда ему вздумается.

В жаркие часы он открывал и верхнее и боковые окошки и безмятежно дремал в своём гамаке, овеваемый лёгким ветерком.

Но, должно быть, этот сон на сквозняке был не так уж полезен.

Когда король с королевой и со всей свитой прибыл в свой летний дворец, который находился всего в восемнадцати милях

от берега, подле города Фленфласника, Гулливер чувствовал себя совсем нехорошо. Он сильно простудился и был очень утомлён.

А бедная Глюмдальклич, та совсем заболела дорогой. Ей пришлось лечь в постель и принимать горькие лекарства.

Между тем Гулливеру хотелось как можно скорее побывать у моря. Он просто не мог дожидаться минуты, когда опять ступит на прибрежный песок.

Чтобы приблизить эту минуту, Гулливер стал просить свою милую нянюшку отпустить его на берег одного.

— Солёный морской воздух вылечит меня лучше всякого лекарства, — повторял он.

Но нянюшке почему-то не хотелось отпускать Гулливера. Она всячески отговаривала его от этой прогулки и отпустила только после долгих просьб и споров, укрепляя сердце, со слезами на глазах.

Одному из королевских пажей она поручила снести Грильдрига на берег и смотреть за ним в оба.

Мальчик нёс ящик с Гулливером добрых полчаса. Всё это время Гулливер не отходил от окошка. Он чувствовал, что берег уже близко.

И вот, наконец, он увидел тёмные от прилива камни и полосу влажных песков со следами морской пены.

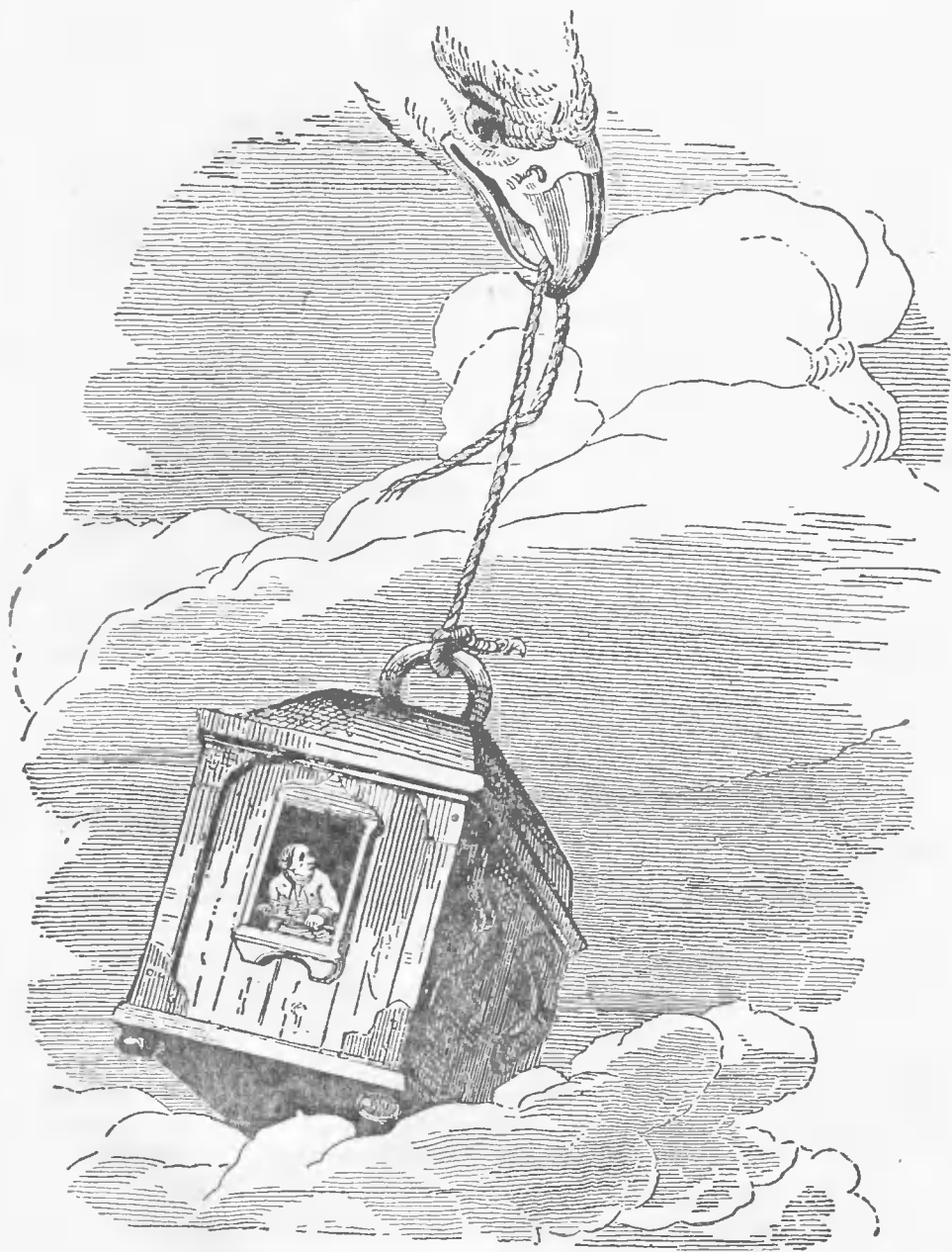
Он попросил мальчика поставить ящик на какой-нибудь камень и, опустившись на стул перед окошком, стал печально вглядываться в пустынную даль океана.

Как хотелось ему увидеть там, на горизонте, треугольник паруса! Хоть издали, хоть на мгновение...

Мальчик, насвистывая какую-то песенку, бросал в воду камешки величиной с небольшую рыбачью хижину, и этот шум и плеск мешали Гулливеру думать. Он сказал пажу, что устал и хочет вздремнуть. Паж очень обрадовался. Прикрыв поплотнее оконце в крышке ящика, он пожелал Гулливеру доброго сна и бегом побежал к скалам — разыскивать в расселинах птичьи гнёзда.

А Гулливер и в самом деле лёг в свой гамак и закрыл глаза.

Усталость от долгой дороги и свежий морской воздух сделали своё дело. Он крепко уснул.

И вдруг сильный толчок разбудил его. Он почувствовал, что кто-то дёрнул за кольцо, ввинченное в крышку ящика. Ящик качнулся и стал стремительно подниматься вверх.

Гулливер едва не вылетел из своего гамака, но тут движение стало ровнее, и он без труда соскочил на пол и подбежал к окошку.

Голова у него закружилась. Со всех трёх сторон он видел только облака и небо. Берег исчез бесследно, словно растаял.

Что же случилось? Гулливер прислушался — и всё понял. В шуме ветра он ясно различил взмахи широких могучих крыльев.

Должно быть, какая-нибудь огромная птица высмотрела домик Гулливера и, ухватив его за кольцо, несёт неизвестно куда.

И зачем ей понадобился деревянный ящик?

Наверно, она хочет бросить его на скалы, как орлы бросают черепах, чтобы расколоть их панцырь и достать из-под него нежное черепашее мясо.

Гулливер закрыл лицо руками. Кажется, ещё никогда смерть не подходила к нему так близко.

В эту минуту ящик его опять сильно качнулся. Ещё, ещё раз... Он услышал орлиный клёкот и такой шум, словно все морские ветры сшиблись у него над головой.

Нет сомнения, это другой орёл напал на того, который похитил Гулливера. Пират хочет отнять добычу у пирата.

Толчок следовал за толчком, удар за ударом. Ящик раскачивался направо и налево, как вывеска под сильным ветром.

А Гулливер перекатывался с места на место и, закрыв глаза, ждал смерти.

И вдруг ящик как-то странно дрогнул и полетел вниз, вниз, вниз...

«Конец!» — подумал Гулливер.

Страшный всплеск оглушил Гулливера, и домик на минуту погрузился в полную тьму.

Потом, чуть покачиваясь, он поднялся наверх, и дневной свет понемногу пробился в комнату.

По стенам, змеясь, побежали светлые тени. Такие тени дрожат на стенках каюты, когда иллюминаторы заливают водой.

Гулливвер встал на ноги и осмотрелся. Да, он был в море. Домик, обитый снизу железными пластинками, не потерял в воздухе равновесия и упал, не перевернувшись. Но он был такой тяжёлый, что глубоко осел в воде. Волны доходили по меньшей мере до половины окон. Что будет, если их могучие удары разобьют стёкла? Ведь они защищены всего только лёгкими железными решётками.

Но нет, пока ещё они выдерживают напор воды.

Гулливвер внимательно осмотрел своё пловучее жилище.

К счастью, двери в домике были выдвижные, а не створчатые, на петлях. Они не пропускали воды. Но всё же вода мало-помалу просачивалась в ящик сквозь какие-то еле заметные щёлки в стенах.

Гулливвер порывлся у себя в комод, разорвал на полосы простыню и, как мог, законопатил щели. Потом вскочил на стул и открыл окошечко в потолке.

Это было сделано во-время: в ящике стало так душно, что Гулливвер едва не задохся.

Свежий воздух проник в домик, и Гулливвер вздохнул с облегчением. Мысли его прояснились. Он сел и задумался.

Ну, вот он, наконец, на свободе! Никогда уже ему не вернуться в Бробдингнэг. Ах, бедная, милая Глюмдальклич! Что-то с нею будет? Королева разгневается на неё, отошлёт обратно в деревню... Нелегко ей придётся. А что будет с ним, слабым маленьким человечком, одиноко плавающим по океану без мачт и без руля в неуклюжем деревянном ящике? Скорее всего, первая же большая волна перевернёт и зальёт игрушечный домик или разобьёт его о скалы.

А может быть, ветер будет гонять его по океану до тех пор, пока Гулливвер не умрёт с голоду. Ох, только бы не это! Если уж умирать, так умирать поскорее!

А минуты тянулись медленно-медленно! С тех пор как Гулливвер попал в море, прошло четыре часа. Но эти часы показались ему длиннее суток. Ничего, кроме мерного плеска волн, ударявшихся о стены домика, Гулливвер не слышал.

И вдруг ему почудился какой-то странный звук: что-то словно цапнуло по глухой стороне ящика, там, где были приделаны железные пряжки. После этого ящик поплыл как будто скорее и

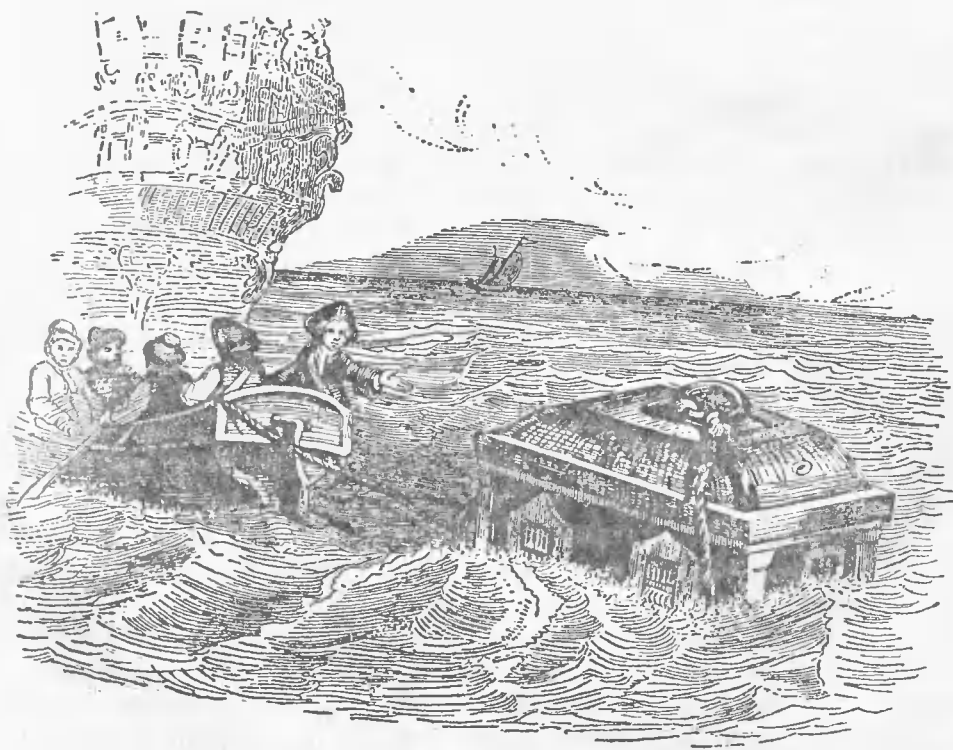
в одном направлении. Иногда его резко дёргало или поворачивало, и тогда домик нырял глубже, а волны взлетали выше, совсем захлёстывая домик. Вода ливнем обрушивалась на крышу, и тяжёлые брызги попадали через окошечко в комнату Гулливера.

«Неужели кто-то взял меня на буксир?» — подумал Гулливер.

Он взобрался на стол, который был привинчен посередине комнаты, под самым окошком в потолке, и стал громко звать на помощь.

Он кричал на всех языках, какие знал: по-английски, по-испански, по-голландски, по-итальянски, по-турецки, по-лилипутски, по-бробдингнежски, — но никто не отзывался.

Тогда он взял палку, привязал к ней большой платок и, просунув палку в окошко, стал размахивать платком изо всех сил. Но и этот сигнал остался без ответа.

Однако же Гулливер ясно чувствовал, что его домик быстро подвигается вперёд.

И вдруг стенка с пряжками ударилась обо что-то твёрдое. Домик резко качнуло раз, другой, и он остановился.

Кольцо на крыше звякнуло. Потом заскрипел канат, как будто его продевали в кольцо.

Гулливеру показалось, что домик стал понемногу подниматься из воды. Да, так оно и есть! В комнате сделалось гораздо светлее.

Гулливер снова выставил палку и замахал платком.

Над головой у него застучало, и кто-то громко закричал по-английски:

— Эй, вы, там, в ящике! Отзовитесь! Вас слушают!

Гулливвер, задыхаясь от волнения, отвечал, что он злополучный путешественник, испытавший во время своих странствований жесточайшие невзгоды и опасности. Он счастлив, что встретил, наконец, своих соотечественников, и умоляет их спасти его.

— Будьте совершенно спокойны! — ответили ему сверху. — Ваш ящик привязан к борту английского корабля, и сейчас наш плотник пропилит в его крышке отверстие. Мы спустим вам трап, и вы сможете выбраться из вашей пловучей тюрьмы.

— Не стоит даром тратить время, — ответил Гулливвер. — Гораздо проще просунуть в кольцо палец и поднять ящик на борт корабля.

Люди наверху засмеялись, шумно заговорили, но никто ничего не ответил Гулливверу. Потом он услышал тонкий свист пилы, и через несколько минут в потолке его комнаты засветилась большая четырёхугольная дыра.

Гулливверу спустили трап. Он поднялся сначала на крышу своего домика, а потом на корабль.

Матросы окружили Гулливвера и наперебой стали спрашивать его, кто он, откуда, давно ли плавает по морю в своём пловучем доме и за что его туда посадили. Но Гулливвер только растерянно смотрел на них.

«Что за крошечные человечки! — думал он. — Неужели я опять попал к лилипутам?»

Капитан судна, мистер Томас Вилькокс, заметил, что Гулливвер едва стоит на ногах от усталости, потрясения и растерянности. Он отвёл его в свою каюту, уложил в постель и посоветовал как следует отдохнуть.

Гулливвер и сам чувствовал, что это ему необходимо. Но, прежде чем уснуть, он успел сказать капитану, что у него в ящике осталось много прекрасных вещей — шёлковый гамак, стол, стулья, комод, ковры, занавески и много замечательных безделушек.

— Если вы прикажете принести мой домик в эту каюту, я с удовольствием покажу вам свою коллекцию редкостей, — сказал он.

Капитан с удивлением и жалостью посмотрел на него и молча вышел из каюты. Он подумал, что гость его сошёл с ума от пережитых бедствий, а Гулливвер просто не успел ещё привыкнуть к мысли, что вокруг него такие же люди, как он, и что никто уже не может поднять его домик одним пальцем.

Однако же, когда он проснулся, все его вещи уже были на борту корабля.

Капитан послал матросов вытащить их из ящика, и матросы самым добросовестным образом исполнили это приказание.

К сожалению, Гулливер позабыл сказать капитану, что стол, стулья и комод в его комнате привинчены к полу. Матросы этого, конечно, не знали и сильно испортили мебель, отрывая её от пола.

Мало того: они сильно повредили и самый домик. В стенах и в полу образовались трещины, отверстия, и вода ручьями стала просачиваться в комнату.

Матросы едва успели содрать с ящика несколько досок, которые могли пригодиться на корабле, и он пошёл ко дну.

Гулливер был рад, что не видел этого. Грустно видеть, когда идёт ко дну дом, в котором ты прожил много дней и ночей, хотя бы и невесёлых.

В эту ночь он спал беспокойно: ему снились то огромные осы из страны великанов, то плачущая Глюмдальклич, то орлы, которые дерутся у него над головой, но всё-таки сон освежил его, и он охотно согласился поужинать вместе с капитаном.

Капитан был гостеприимным хозяином. Он радушно угощал Гулливера, и Гулливер ел с удовольствием, но при этом его очень сместили крошечные тарелочки, блюда, графины и стаканы, стоявшие на столе. Он часто брал их в руки и рассматривал, покачивая головой и улыбаясь.

Капитан заметил это. Грустно поглядев на Гулливера, он спросил его, вполне ли он здоров и не повреждён ли его рассудок усталостью и несчастьями.

— Нет,— сказал Гулливер,— я вполне здоров. Но я давно уже не видал таких маленьких людей и таких маленьких вещей.

И он подробно рассказал капитану о том, как он жил в стране великанов.

Сначала капитан слушал этот рассказ с недоверием, но чем дальше рассказывал Гулливер, тем внимательнее становился капитан. С каждой минутой он всё больше убеждался в том, что Гулливер серьёзный, правдивый и скромный человек, вовсе не склонный выдумывать и преувеличивать.

В заключение Гулливер достал из кармана ключ и открыл свой комод. Он показал капитану два гребня, у одного была дере-

вянная спинка, у другого — роговая. Роговую спинку Гулливер сделал из обрезка ногтя его бробдингнежского величества.

— А из чего сделаны зубья? — спросил капитан.

— Из волос королевской бороды!

Капитан только развёл руками.

Затем Гулливер достал несколько иголок и булавок — в поларшина, в аршин и больше. Он разматал перед удивлённым капитаном четыре волоса королевы и подал ему обеими руками золотое кольцо, полученное от неё в подарок. Это кольцо королева носила на мизинце, а Гулливер — на шее, как ожерелье.

Но более всего поразил капитана зуб. Этот зуб по ошибке был вырван у одного из королевских пажей. Зуб оказался совершенно здоровым, и Гулливер вычистил его и спрятал к себе в комод.

Заметив, что капитан не может отвести глаз от великанского зуба, Гулливер попросил его принять эту безделушку в подарок.

Растроганный капитан освободил в своём шкафу одну полку и бережно положил на неё странный предмет, по виду похожий на зуб, а по величине — на увесистый булыжник.

Он взял с Гулливера слово, что, возвратившись на родину, тот непременно напишет книгу о своих путешествиях.

Гулливер был честным человеком и сдержал слово.

Так появилась на свет книга о стране лилипутов и о стране великанов.

16

Третьего июня 1706 года корабль, который принял на свой борт Гулливера, подошёл к берегам Англии.

Несколько месяцев он был в пути и три-четыре раза заходил в порты, чтобы запастись провизией и свежей водой, но Гулливер, утомлённый приключениями, ни разу не покинул своей каюты.

И вот путешествие его окончилось. Он дружески распрощался с капитаном, который снабдил его на дорогу деньгами, и, наняв лошадь, отправился домой.

Всё, что он видел на знакомых с детства дорогах, удивляло его. Деревья казались ему мелким кустарником, дома и башни — карточными домиками, а люди — лилипутами.

Он боялся раздавить прохожих и громко кричал им, чтоб они посторонились.

На это ему отвечали бранью и насмешками. А какой-то сердитый фермер чуть не поколотил его палкой.

Наконец дороги и улицы остались позади.

Гулливер подъехал к воротам своего дома. Старый слуга открыл ему двери, и Гулливер, нагнувшись, переступил через порог: он боялся стукнуться головой о притолоку, которая показалась ему на этот раз очень низкой.

Жена и дочь выбежали ему навстречу, но он не сразу увидел их, потому что, по привычке, смотрел вверх.

Все родные, друзья и соседи казались ему маленькими, беспомощными и хрупкими, как мотыльки.

— Должно быть, вам очень плохо жилось без меня, — говорил он с жалостью. — Вы так похудели и уменьшились в росте, что вас и не разглядишь!

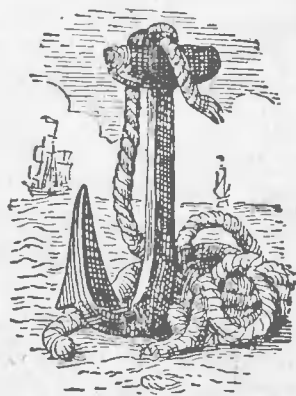
А друзья, родные и соседи, в свою очередь, жалели Гулливера и считали, что бедняга сошёл с ума.

Так прошла неделя, другая, третья...

Гулливер понемногу стал снова привыкать к своему дому, к родному городу и знакомым вещам. С каждым днём он всё меньше удивлялся, видя вокруг себя простых, обыкновенных людей обыкновенного роста.

В конце концов он опять научился смотреть на них, как на равных, а не снизу вверх и не сверху вниз.

Смотреть на людей таким образом гораздо удобнее и приятнее, потому что при этом не приходится заирать голову и не надо сгибаться в три погибели.

2 р. 65 к.

СВЕРДЛОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1953